

ХОЗЯЕВА МИРА

**ТРЕХТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ
ЗАГАДКА**

**ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ
ЕВРЕЙСТВА**

ИГОРЬ ШАФАРЕВИЧ

Хозяева мира

Игорь Шафаревич

**Трехтысячелетняя загадка.
Тайная история еврейства**

«Алгоритм»

2019

УДК 94
ББК 63.3

Шафаревич И. Р.

Трехтысячелетняя загадка. Тайная история еврейства /
И. Р. Шафаревич — «Алгоритм», 2019 — (Хозяева мира)

ISBN 978-5-907024-89-2

Так называемый еврейский вопрос, которому уже не одно тысячелетие, дожил и до наших дней. Хотя попытки разрешить его предпринимались в разные эпохи в самых разных странах. Делаются они и теперь. Выдающийся ученый, мыслитель нашего времени Игорь Ростиславович Шафаревич, исследовав еврейский вопрос, пришел к выводу, что он возникал всегда, когда дело касалось захвата власти. Так было в Египте и Персии, в Риме и древней Хазарии, не обошло это и Россию. Перед вами – классический труд на тему, которая не перестает быть актуальной.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-907024-89-2

© Шафаревич И. Р., 2019
© Алгоритм, 2019

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	52
Глава 7	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Игорь Шафаревич

Трехтысячелетняя загадка. Тайная история еврейства / Игорь Шафаревич

Предисловие

Значительная часть этой книги была написана более 25 лет тому назад. Тогда я писал работу (конечно, для Самиздата), в предчувствии надвигающегося кризиса, посвященную положению в Советском Союзе в то время (т. е. до «перестройки»). В ней я говорил о некоторых тенденциях, проявившихся тогда, опасных, по моему мнению, для будущего страны. Причем не мог не обратить внимания на исключительное, бросающееся в глаза участие, которое принимали в развитии этих тенденций еврейские публицисты и писатели. По ходу обсуждения всех разбиравшихся вопросов мне приходили в голову некоторые исторические параллели, которые я и излагал. Постепенно стало заметно, что обилие таких исторических экскурсов затемняет основную мысль работы. Один мой друг, сейчас уже покойный, посоветовал мне лучше собрать все исторические экскурсы в одно Приложение к работе. Мысль показалась мне разумной, и я начал писать такое Приложение. По ходу дела я знакомился с новыми для меня работами и извлеченные из них мысли и факты тоже включал в Приложение. В результате появился некий текст, или даже два (один был специально посвящен русской истории), вместе превышавшие первоначальную работу. Как Приложение они уже потеряли смысл и тогда в работе никак не отразились. Работа появилась в Самиздате под названием «Русофобия» и стала жить своей жизнью, а «исторический» текст остался лежать в «ящике».

Публикация моей работы «Русофобия» вызвала множество откликов как в нашей стране, так и за ее границами. К моему сожалению, они почти исключительно были реакцией на упоминание еврейских публицистов в обсуждавшемся мною течении, да еще слова о роли еврейских революционеров в революции 1917 г., хотя это не было основной темой работы, что видно, например, по ее названию, да и не раз в ней подчеркивалось. Впрочем, и в этом узком аспекте обычно полностью игнорировалась моя аргументация и задаваемые мною вопросы (например, что подразумевается под термином «антисемитизм»), все это множество статей или отдельных высказываний скорее отражало чувство возмущения нарушением некоторого запрета, обсуждением вопроса, признанного необсуждаемым. Такая реакция показалась мне поразительной, особенно сейчас, когда все, кажется, признают плодотворность открытого обсуждения любой темы. Парадоксальность ситуации привлекла мое внимание к этому вопросу, занимающему, видимо, совершенно исключительное положение в современном сознании. Вопрос заинтересовал меня в различных его аспектах. Тем самым еще расширился текст несостоявшегося некогда «Приложения к “Русофобии”». Может быть, его публикация устранил некоторые недоразумения, возникшие из-за вынужденной краткости (специфика Самиздата) первоначальной работы.

С тех пор прошло много лет. Соображения, высказанные мною в опубликованной после этого и в печати работе, как мне кажется, полностью подтвердились, к великому моему огорчению. Тенденции, наблюдавшиеся мною как еле заметные трещинки в монолите тогдашнего государства, теперь превратились в пропасти и обвалы, почти разрушившие страну. И, в частности, опять возникло явление очевидного сверхактивного участия каких-то еврейских течений в этой работе разрушения.

Сейчас опять, как 25 лет назад, возникает потребность осмыслить произошедшие события. Мы живем в совершенно новой ситуации, созданной драматическими изменениями

последних 15–20 лет. Но эти изменения дают также и обильный материал для размышлений, даже совершенно новую точку зрения, из перспективы которой мы можем смотреть на всю историю.

Настоящая работа содержит и старый текст, более чем 25-летней давности (иногда переработанный), и новые наблюдения и соображения. Содержание работы, мне кажется, раскрывается ее названием. Это рассуждения на тему, которая, иногда очень неопределенно, называется «еврейский вопрос».

Хочу сразу определить свою позицию: моим стимулом при написании работы было сопереживание истории собственного народа и, даже еще в большей степени, обсуждение его возможного будущего. Это определяет ориентацию работы: история отношений между евреями и другими народами полезна как собрание примеров для уяснения русско-еврейских взаимоотношений. Мне представляется неправдоподобным, что можно обсуждать такой вопрос, отвлекаясь от собственной национальности, как бы сверху, подобно тому, как у Гомера Зевс беспристрастно взвешивает на весах судьбы «доли» Гектора и Ахилла. Для этого надо быть бессмертным Громовержцем. Но человечески ангажированная точка зрения не предполагает предвзятости, тем более, враждебности: хотя бы потому, что злоба – плохой советчик. Цель работы – привести некоторые факты и соображения, которые помогли бы выработать русскую точку зрения на трудный и важный, особенно для русских, «еврейский вопрос».

Но сначала надо, конечно, обсудить: существует ли такой «вопрос», есть ли здесь разумный предмет для размышлений. С этого работа и начинается.

При подготовке рукописи неоценимую помощь мне оказал С. П. Демушкин. Без его содействия книга несомненно не увидела бы свет.

Я очень благодарен М. В. Назарову, прочитавшему работу в рукописи и внесшему ряд весьма ценных для меня замечаний.

Я также благодарю всех прочитавших рукопись (или ее части) за сделанные ими замечания.

Я глубоко благодарен всем, кто помог мне доставать нужную для книги литературу – как в нашей стране, так и за ее пределами.

Глава 1

Существует ли «еврейский вопрос»?

Евреи не раз играли судьбоносную роль в истории нашей страны: в революционном движении, экономике и прессе до революции 1917 г.; в аппарате власти после революции (в партии, ЧК-ОГПУ-НКВД, руководстве основных наркоматов). Их роль колоссальна в современной жизни: в партии, аппарате пропаганды и культуры, в формировании отношения Запада к СССР, в управлении общественным мнением. И несомненно, их влияние будет не меньше в предвидимом будущем. (Через лет 20 после того, как этот текст был написан, события конца 1980-х – 1990-х годов, мне кажется, полностью подтвердили эту мысль. См. подробнее главу 20.)

Казалось бы, к этому поразительному и важному явлению независимая мысль в нашей стране должна была бы постоянно возвращаться. По многим причинам этого, однако, не произошло – и не только сейчас, так было и в прошлом. Среди небольшого числа исключений Достоевский, вообще замечавший многое, скрытое еще от других, посвятил «еврейскому вопросу» более ста лет назад несколько глубоких статей. Он начинал так:

«О, не думайте, что я действительно затеваю поднять “еврейский вопрос”. Я написал это заглавие в шутку. Поднять такой величины вопрос, как положение еврея в России и о положении России, имеющей в числе сынов своих три миллиона евреев – я не в силах. Вопрос этот не в моих размерах».

Конечно, эти слова не являются выражением авторского кокетства; очевидно, Достоевский чувствовал, что современность еще не давала ему ни нужных фактов, ни точек зрения, чтобы приблизиться к пониманию истинных корней затронутого им вопроса (такие намеки в его статьях есть). Протекший век снабдил нас массой новых фактов на эту тему. Боюсь, однако, что положение со времен Достоевского не стало более благоприятным, потому что, кроме фактов, время принесло с собой и множество мифов, табу, да и прямой лжи, – и все это забаррикадировало и самые подступы к «еврейскому вопросу». Так что и в этой работе я не ставлю себе цели «поднять еврейский вопрос», уж тем более он и «не в моих размерах». Но я хотел бы попытаться хоть подготовить почву к его обсуждению в свете всего нашего громадного опыта XX века, хоть помочь расчищать путь к пониманию того, что он значит для русских (т. е. в рамках «русского вопроса»).

Прежде всего, нам преграждает дорогу заявление, что этот вопрос вообще нельзя обсуждать. «Не гуманно оперировать такой абстракцией, как “еврейский вопрос” или “еврейство”: этим игнорируется человеческая индивидуальность, одни люди признаются ответственными за действия других. Отсюда всего шаг до отправки в лагерь или газовые камеры по классовому или расовому признаку» – подобные возражения приходится часто слышать. Однако «обсуждение» любого социального или исторического явления невозможно без введения каких-то общих категорий: государств, наций, сословий. Это очень важный компонент социального или исторического анализа и в других случаях никаких возражений не вызывает. Почему можно говорить о влиянии, которое эмигрировавшие из Франции гугеноты оказали на развитие капитализма в Германии, но неморально ставить вопрос об аналогичном влиянии евреев? Можно обратить внимание на то, какую роль играл многонациональный характер России в русской революции, но «не интеллигентно» интересоваться тем, какова, в частности, была роль евреев? Вряд ли можно ответить на подобные вопросы, если только не принять, что к евреям и другим народам следует прилагать разные мерки. Надо лишь иметь в виду, что мы оперируем некоторой абстракцией, и не абсолютизировать ее.

Более убедительно на первый взгляд выглядит другое возражение – утверждение, что никакого вопроса вообще не существует, что понятие «еврей» или «еврейский народ» есть пустая абстракция, не отвечающая никакой реальности. Так, современный (XX в.) французский философ Раймон Арон спрашивает: что общего между йеменским и американским евреями, даже если оба живут в Израиле? Гораздо раньше и Сталин задавал тот же вопрос: что общего между кавказским и американским евреями? Но ответ, оказывается, хорошо известен многим евреям-авторам, выступающим с позиций еврейского национализма. Вот суждение на эту тему виднейшего вождя еврейского национализма в XIX веке Гретца, написавшего (первую полную) 11-томную «Историю еврейского народа». «К середине XIX в., – пишет он в последнем томе этой “Истории”, – некоторые еврейские националисты начали жаловаться, что под влиянием контактов с европейской культурой, в результате предоставления им равноправия, евреи стали терять свою надгосударственную сплоченность. Но вот в 1840 г. в Сирии, в Дамаске, возникло дело по обвинению нескольких евреев в ритуальном убийстве католического монаха. И сразу обнаружилось:

«Какая чудесная взаимосвязь нерасторжимо соединяет члены еврейского мира, как еще прочны узы невидимо, бессознательно стягивающие их, как первая же угроза еврейству заставляет биться в патриотическом порыве сердца всех евреев на земном шаре: любых партийных толков, вольнодумца-реформатора совершенно так же, как несгибаемого ортодокса, государственного деятеля, по видимости, отошедшего от еврейства, так же, как погруженного в Каббалу и Талмуд начетчика, в веселой Франции так же, как в задумчивой Азии».

Во главе движения за освобождение арестованных в Дамаске евреев стали: французский политический деятель Адольф Кремье и живущие в Англии барон Натаниэль Ротшильд и сэр Мозес Монтефиоре. Они поехали в Турцию, добились освобождения задержанных евреев и заставили даже убрать гробницу убитого монаха из церкви капуцинского монастыря. Казалось бы, действительно, что общего у барона Ротшильда и сэра Монтефиоре с сирийскими евреями? Но какая-то «нерасторжимая связь» существует. И существует она не с прошлого века. Вот свидетельство, относящееся еще к античности (оно принадлежит известному историку Моммзену):

«Как многочисленно было даже в Риме еврейское население еще до Цезаря и как стойко держались уже в то время в племенном отношении Евреи, указывает нам замечание одного из современных писателей, – что для наместника бывает опасно слишком вмешиваться в дела Евреев своей провинции, так как по возвращении в Рим ему предстоит быть освиственным столичной чернью».

Вот таким – как единый живой организм, немедленно реагирующий на болезненное раздражение любой его части, – проходит еврейство через всю историю, вплоть до наших дней. Любой острый для еврейства вопрос немедленно подхватывается прессой всего мира, – как было, например, с «делом Дрейфуса», «делом Бейлиса» или «делом врачей». С начала этого, т. е. XX, века переговоры русского правительства о займах наталкивались в Англии, Франции, Америке на сопротивление еврейских банкирских домов, ставивших условием изменение положения евреев в России. То есть интересы русских евреев были, например, для английских Ротшильдов важнее их собственных финансовых интересов! Дело доходило до организованного международного бойкота, причем банки, пытавшиеся его нарушить, подвергались давлению и наказаниям. Президент Тафт в 1911 г. аннулировал русско-американский торговый договор 1832 г. под давлением еврейских кругов Америки, возмущенных положением евреев в России и, в частности, тем, что по русским законам туда был ограничен въезд евреев. Сим-

метричная ситуация, когда торговый договор не был заключен из-за того, что евреям не разрешался выезд из СССР, сложилась на наших глазах (закон «Джексона – Вэника»).

И еще недавно можно было прочесть в газетах или услышать по радио о демонстрациях и петициях, скажем, бельгийских евреев в защиту, по их мнению, притесняемых советских евреев. Ведь это поразительно: если бы они встретились – советский еврей и его европейский защитник, то скорее всего не смогли даже объясниться. Что же их связывает? Не язык, не территория или любовь к родному ландшафту, не государство, не культура, теперь даже, как правило, не религия. По-видимому, и сами евреи часто только ощущают эту связующую их силу, но не могут дать ей рационального объяснения. Например, в статье, напечатанной в современном журнале, издающемся на русском языке в Израиле, автор, американский еврей, пишет:

«Для большинства американских евреев, которые образуют сейчас верхушку американского среднего класса, то, что выделяет их как евреев, – это определенного рода ощущение близости (...). Пожалуй, точнее всего было бы сказать, что они “чувствуют что-то такое”... Вот это “что-то такое” и составляет основу их ощущений еврейскости. Такое маленькое “что-то...” (...). И это, оказывается, весьма специфическая вещь – быть выделенным, принадлежать к этой группе. Настолько специфическая, что люди не хотят отдавать ощущение этой принадлежности и выделенности, не хотят “обменивать” его на что-либо иное».

А Фрейд, обращаясь к современному «бунтарю», говорил: «Если бы у него спросили, что есть в тебе иудейского, когда ты покинул все, что имел общего с соотечественниками, он бы ответил: еще многое, вероятно, самое главное».

Эти высказывания, на которые я обратил внимание еще давно, подтверждаются другими, более поздними. Например, публицист, живущий в Германии, представительница уже «третьей волны» эмиграции, С. Марголина пишет:

«Еврей – не фантастическая выдумка. Его самосознание начинается с ощущения “отличности”. Оно коренится в традиции избранности, которая, потеряв религиозную непосредственность, реализуется в мирской форме чувства превосходства и нарциссизма».

Тут часто выдвигается другое возражение: если в какой-то степени и существует самосознание евреев всего мира как единого целого, то причина его лежит не в евреях, а в той ситуации, в которой они оказались – это общее свойство рассеянных и гонимых народов. Заметим, что это возражение все же признает существование того явления, которое мы обсуждаем, предлагая лишь его объяснение. Но и объяснение не кажется убедительным. Оно есть отражение общей концепции, согласно которой деятельность организма, человека, общества направляется не внутренними стимулами, а влиянием окружающей среды. Концепция эта заимствована из биологии (дарвинизм, бихевиоризм), но и там, кажется, перестает быть популярной. В интересующем же нас случае вопрос, можно сказать, доступен экспериментальной проверке, так как, кроме евреев, было столько народов, потерявших свое государство! – но судьба их всех была совсем иной, чем у евреев. Государство вандалов было разрушено Византией, и о вандалах больше никто ничего не слышал, а еврейское государство разрушали и Ассирия, и Вавилон, и Рим, но в конце концов разрушились-то они, а евреи существуют до сих пор! Русская революция выплеснула за границу многочисленную эмиграцию, в большинстве своем накаленную патриотическими чувствами, всеми силами стремившуюся сохранить связь с Россией, и уже внуки эмигрантов еле говорят по-русски и испытывают к России в лучшем случае сентиментальный интерес; а влияние на политическую жизнь мира или тех стран, где она обитала, эмиграция не оказывала просто никакого. Поразительный пример дает Америка. Почти все ее жители в том или ином поколении – эмигранты, но, за одним-единственным исключением, их

национальные интересы оказывают очень маленькое влияние на политику США. Там много немцев, но это не помешало Америке в двух последних войнах воевать против Германии. Зато интересы еврейской части населения США просто доминируют в политике: им приносятся в жертву и торговые сделки с СССР, и проблема снабжения нефтью с Ближнего Востока. Дальше мы приведем и другие примеры.

Многие обращали внимание на это поразительное явление. Например, М. О. Гершензон писал:

«История евреев (...) слишком странна своим разительным несходством с историей прочих народов...»

Он привлекает такой образ:

«Сравнительно с большинством растений, прикрепленных к месту, растение, скитающееся по морю, ненормально... Оно (еврейство. – *И.Ш.*) похоже на те растения, блуждающие по морю, которых корни не врастают в дно».

Надо, наконец, признать, что жизнь человечества управляется не тривиальной логикой, что в ней есть общие правила, но есть и исключения из них, и что судьба евреев – один из примеров этого. Такое признание принесет неоценимую пользу тем, что предостережет от веры в примитивные, тривиальные решения: например, в то, что еврейский вопрос, бывший 30 веков загадкой для человечества, разрешится в результате ассимиляции или издания особых законов, регулирующих положение евреев.

Вполне понятно нежелание расстаться с простыми, привычными взглядами. Так не хочется отказываться от «разумной», «логичной» точки зрения: евреи-де – народ как другие; только крайние еврейские националисты да крайние ненавистники евреев представляют их (сходясь в своей крайности) либо посланцами небес, либо исчадием ада; конечно, они народ с трудной историей, удивительно сплоченный, но поставь других в те же условия – и результат был бы похожим. Отказавшись от такой точки зрения, попадаешь, как кажется, в область каких-то фантазий, мистики (да и обидно даже признавать за другими какие-то особенные, уникальные черты). Автор по себе знает, как трудно расставаться с таким взглядом, как долго приносишь ради этого в жертву и логику, и факты – до тех пор, пока не осознаешь совершенно ясно, что борешься с очевидностью. Не только евреи не такой же народ, как все, но между ними и другими народами нет промежуточных ступеней, здесь какое-то нарушение непрерывности. А когда другие народы попадают в положение, похожее на то, в котором находятся евреи, то это только подчеркивает их различие. Нельзя отрицать существование этой силы, которую Гретц назвал «чудесной взаимосвязью», соединяющей евреев мира: слишком часто и слишком мощно она воздействует на жизнь человечества. То, что ни мы, ни, вероятно, сами евреи, не понимают, при помощи каких факторов эта сила действует, не ставит под сомнение ее существование: не станет же физик, наблюдающий какое-то явление, отрицать его только потому, что пока не может его объяснить. Дальше мы и будем исходить из такой точки зрения, т. е. существования некоей социальной силы, действующей как единое целое, которую можно назвать «еврейским влиянием в мире» или «еврейством». Мы не будем пытаться анализировать внутренние стимулы, движущие эту силу и направляющие ее в ту или иную сторону. Не будем даже задаваться вопросом, все ли евреи или только некоторые подчиняются действию этой силы; те, которые ей подчиняются, те и образуют «еврейство». Нас будет интересовать, на что эта сила реагирует, как меняется ее точка приложения. Только в этом смысле мы будем говорить о ее «целях».

Существование этой силы собственно и составляет «еврейский вопрос». На протяжении работы мы попытаемся указать ее проявления в самых различных исторических ситуациях – от седой древности до наших дней. Но в чем же, собственно говоря, «вопрос»? – почему нали-

чие этой силы (если допустить, что наши аргументы, доказывающие, что она существует, убедительны) – почему этот факт важен, воспринимается как вопрос, обращенный к нам от имени истории? Причина, видимо, в том, что сила эта чаще всего проявляется, когда рушатся некоторые традиционные жизненные уклады – и является фактором, способствующим их радикальному и безжалостному разрушению. Вся история демонстрирует как бы сосуществование двух трудно соединимых, разнородных сущностей. Сосуществование, выливающееся в конфликты, в которых страдает то одна, то другая сторона. Резня, произведенная казаками Хмельницкого в еврейском местечке Немиров, как бы воскресает в резне арабов в палестинской деревне Дейр Ясин, в лагерях беженцев Сабра и Шатила в Ливане. Примеры проходят через всю историю, мы встретим их во множестве и в этой работе. В конфликтных ситуациях такого масштаба поиски «виновника» вряд ли продуктивны. Важнее осознание самой ситуации. Именно исключительность, необычность истории еврейства и объясняет то, что она так постоянно привлекала к себе человеческую мысль, воспринималась как Загадка.

Как мы уже говорили, интересующая нас сила проявляется на очень большом отрезке Истории. Поэтому, чтобы подметить какие-то ее черты, надо и рассматривать ее на всем этом промежутке. Здесь мы приведем очень краткую ее характеристику, самое сжатое описание ее за тот исторический период, когда ее можно наблюдать. Это подготовительная работа для тех, кто в будущем попытается глубже осмыслить ее воздействие на судьбу нашего народа или всего человечества, как бы исторический фон, на котором эту проблему, как мне кажется, следует рассматривать.

Мы сталкиваемся тут с областью, которой посвящена громадная литература. Мы же в этой работе будем опираться лишь на небольшую часть этих источников. Здесь играет роль не только очевидная причина – неспособность автора охватить всю литературу (часто невозможность достать источники, кажущиеся интересными), но (что существеннее) и то, что литература эта в большей своей части исключительно тенденциозна и вызывает мало доверия. Те возражения против обсуждения «еврейского вопроса», которые приводились в начале параграфа, являются не просто укоренившимися стереотипами мышления – это почти догматы некоторого мировоззрения, и неподчинение им вызывает иррациональную ярость. Силу пылающих тут чувств показывает диапазон аргументов, выходящих далеко за рамки интеллектуальной дискуссии. Достаточно напомнить, что сейчас в ряде стран Запада даже публичное выражение сомнения в цифре 6 млн. евреев, погибших от рук нацистов, уголовно наказуемо тюремным заключением. По этой статье ряд лиц и наказаны: одни отсидели свой срок, другие скрываются, третьи уволены без надежды найти работу и без права на пенсию. Да и я сам, в период как раз расцветавшей в нашей стране свободы и либерализма, лишь попытался коснуться печатно «вопроса», сразу встретился с публичным требованием, чтобы моими произведениями занялось КГБ (тогда оно еще так называлось). И это со стороны публициста, прокламировавшего преданность демократии! Тогда я впервые обнаружил, что одно другому не противоречит. А это у многих порождает осторожность, самоцензуру – того самого внутреннего редактора, которого все помнят по временам коммунистического строя.

Естественно, что такое пристрастное и одностороннее освещение важного вопроса вызывало, в качестве реакции, появление многих произведений противоположного направления, столь же тенденциозных. В частности, за последнее десятилетие в нашей стране. И они полны мыслями или сообщаемыми фактами, которые именно из-за крайнего полемического стиля работ внушают сомнение. Тут я сошлюсь на последнюю, по-видимому, работу В. В. Кожинова, опубликованную еще при его жизни. Она напечатана в выходящем в Минске журнале «Святая Русь» и посвящена разбору недавно вышедшей также в Минске книги «Война по законам подлости». Как говорится в статье Кожинова, книга посвящена в основном «еврейскому вопросу», но в ней свалены в одну кучу вопрос, как он говорит, «чрезвычайно существенный и чрезвычайно острый», и множество предвзятых мнений, непроверенных слухов и мифов, сложив-

шихся вокруг него. К числу их Кожинов относит внушаемый книгой взгляд, что «все зло в мире исходит только от одних евреев», а также что «все евреи всех времен – злейшие враги России и всего мира». К той же области он относит множество непроверенных и неправдоподобных «фактов», содержащихся в книге, например, «Завещание Сталина», и вообще представление о Сталине как принципиальном и последовательном борце с еврейским влиянием («сионизмом»), а в особенности длиннейший список политических деятелей, не симпатичных авторам, а потому скопом зачисляемых в евреи, с указанием их «истинных» фамилий, неизвестно откуда взятых, например: Хрущев, Суслов, Горбачев, Ельцин, Черномырдин, даже Геринг и Геббельс. Я привел указание на эту книгу лишь как один пример. Как же тогда извлекать из литературы те или иные факты, как ориентироваться в человеческих взаимоотношениях, составляющих в целом этот «вопрос»? Надо было бы ограничиться источниками, заслуживающими доверия, но «заслуживающими доверия» с чьей стороны? С какой точки зрения?

И все же мне кажется, что существует ряд признаков, дающих возможность отобрать источники (или определенные части их), которым можно доверять, хоть в какой-то степени. Я перечислю эти признаки. На протяжении работы я буду именно такими источниками пользоваться.

Во-первых, это те, которые можно назвать «первоисточниками». Например, Ветхий Завет. Переводы его, за исключением некоторых деталей, не вызывают, видимо, сомнений, так что по нему можно достаточно надежно судить о духе иудаизма. К той же группе источников можно отнести Талмуд и различные комментарии к нему (например, «Шулхан Арух»). Вопрос о том, какими переводами здесь пользоваться, более сложный, мы к нему в своем месте вернемся.

Другой группой источников являются работы еврейских авторов. Например, книги очень scrupulous еврейского историка Гершона Шолема, или высказывания таких влиятельных еврейских мыслителей, как Ахад-Хаам или М. Бубер, книга основателя сионизма Герцля, воспоминания одного из вождей этого движения Х. Вейцмана, председателя Всемирного Еврейского конгресса Нахума Гольдмана и, конечно, классическая «История евреев» Гретца.

К третьей группе можно отнести работы еврейских авторов, выступающих как евреи, но противников господствующей в некоторых еврейских кругах тенденции. Примером является книга «Россия и Евреи», изданная в 1923 г. шестью евреями, находившимися в эмиграции. Они ни в коей мере не отрекаются от своего еврейства. Но всю книгу пронизывает убеждение, что живущие в России евреи должны прежде всего мыслить себя гражданами России. И эта точка зрения приводит их к совершенно новым выводам по таким вопросам, как участие евреев в подготовке революции, в утверждении большевистской власти в Гражданской войне и т. д. – вплоть до неожиданной в устах еврейских авторов оценки еврейских жертв в еврейских погромах времен Гражданской войны. Другой пример – С. Марголина, которую мы уже цитировали. Она пишет, например:

«Вопрос о роли и месте евреев в советской истории – один из важнейших, хотя одновременно один из наиболее табуизированных вопросов нашего времени».

Еще одной книгой такого типа является «Еврейская история – еврейская религия. Тяжесть трех тысячелетий» Израиля Шахака (опубликована по-английски в 1994 г.). Автор является еврейским патриотом и патриотом государства Израиль. Он родился в Польше в 1933 г., получил еврейское религиозное образование, переселился в Израиль в 1945 г., служил там в армии. Именно исходя из своей патриотической еврейской позиции, автор считает губительной средневековую раввинистическую идеологию, господствующую, по его мнению, сейчас в Израиле. Он призывает:

«...приступить к честной оценке еврейского прошлого, осознать, что еврейский шовинизм и чувство избранности существуют, и открыто пересмотреть отношение иудаизма к неевреям».

К четвертой группе источников я отнесу высказывания, содержащиеся в исторических сочинениях, которые в других, широко известных вопросах зарекомендовали себя объективно. Или утверждений авторов, репутация которых общепризнанна – таких, как социологи М. Вебер и В. Зомбарт.

Пятой группой являются, по-моему, утверждения, снабженные четко проверяемой ссылкой. В качестве примера приведу книгу Д. Рида «Спор о Сионе». Книга довольно четко делится на две части. В одной из них излагается точка зрения автора, согласно которой в течение нескольких тысячелетий маленькое племя (или каста) левитов планомерно устанавливает власть над миром. Им руководит тайное правительство, находящееся то в Палестине, то в Персии, то в Испании, то в Польше. Его орудием являлся, в частности, тайный орден иллюминатов, совершивший Французскую революцию. Эта линия продолжается, как утверждает автор, приблизительно до 1950-х годов, когда была написана книга. Я не берусь поддерживать или опровергать такую картину. Но заметно, что когда автор говорит о конце XIX в. или о XX веке, характер изложения резко меняется. Он приводит множество ссылок на книги и газеты, которыми можно пользоваться, необязательно принимая набросанную выше картину. Автор был, видимо, крупным журналистом-международником, сохранил в своем архиве вырезки из газет по интересовавшему его вопросу. Некоторые книги, на которые он ссылается, я достал, они полностью соответствуют тому их изложению, которое дается в книге. (Например, пользуясь библиографией этой книги, я познакомился с потрясающей историей преследования христианства в Мексике в 1920-е гг. Об этом же написал несколько ярких книг писатель Г. Грин.) Если в этой книге приводится текст, взятый в кавычки и сопровождаемый ссылкой (например, «Нью-Йорк таймс», 11 октября 1956 г.), то трудно представить себе, что автор его попросту выдумал. Общая концепция автора как раз плохо подтверждается последующими событиями: он утверждает, например, что еврейское господство над миром осуществляется путем подчинения Запада Советскому Союзу! Но множество конкретных фактов, снабженных точными ссылками, очень полезно. То же можно сказать о книге современного американского автора Д. Дюка «Еврейский вопрос глазами американца». Его суждения о русских делах часто вызывают сомнения. Например, уже в предисловии он сообщает, что «в первом правительстве Коммунистической России было только 13 этнических русских и свыше 300 евреев из общего количества 384 комиссаров». О каком правительстве и каких комиссарах говорит автор? Совнарком был несравненно малочисленнее, комиссары же были в каждой армии, полку, роте. Их были тысячи. Судя по другим источникам, цифра в «384 комиссара» восходит к журналисту Вильтону, который был корреспондентом газеты «Таймс» в России во время революции. Возможно, что Вильтон имел в виду определенный список фамилий, зная который мы могли бы судить, насколько убедительную картину он дает. Но без такого списка это утверждение превращается в типичный пример высказывания, которое невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, так как сам смысл его непонятен. Но хуже того, по чисто американскому вопросу Дюк пишет о «сотнях тысяч американских солдат», погибших во Вьетнаме. Стандартная цифра американских потерь во Вьетнаме, которую обычно приводят, 50 тысяч. Если у автора есть основания сомневаться в этой цифре, то было бы очень важно (для самих американцев), чтобы они были приведены, чего в книге нет. Но, с другой стороны, в книге имеется большое число цитат из конкретных книг, которые мне удалось достать и проверить, что цитаты точны. Поэтому я считаю возможным привести цитату из этой книги (снабженную точной ссылкой), которую я сам проверить был не в состоянии. Другим такого же типа источником являются личные впечатления. Их можно найти и в книге Д. Рида. Особенно много их в книге Шульгина, свиде-

теля многих драматических событий нашей истории – и одновременно острого наблюдателя. В его книге, посвященной русско-еврейским отношениям, проявляется распространенный недостаток его поколения: он не выверяет тщательно приводимые им факты. Например, в книге есть список псевдонимов некоторых революционных деятелей. Уже в 1929 г., когда Шульгин писал свою книгу, существовало много справочников, по которым он мог бы установить, что истинная фамилия Зиновьева – Радомысльский, а не Апфельбаум, Урицкий – не псевдоним. И подлинная фамилия Мартынова – Пиккер, а не Зибар. Хотя более аккуратная проверка подтверждает его главное утверждение, что громадное число большевистских вождей еврейского происхождения имело русские псевдонимы. Но личные впечатления и наблюдения Шульгина от этого не менее интересны.

Наконец, шестой группой источников можно назвать такие, которые в «доверии» просто не нуждаются, это умозаключения, об убедительности которых каждый может судить сам.

Таким образом, все же можно набрать достаточное количество источников, на которые возможно опираться.

В настоящей работе каждая цитата не будет сопровождаться ссылкой, чтобы не загромождать текст. Но в конце каждого параграфа приводится литература, в которой интересующиеся могут найти приводимые в этом параграфе факты, а также много интересного на ту же тему.

Литература:

- Достоевский Ф. М.* Дневник писателя за 1877 г.
Шафаревич И. Русофобия. Сочинения. М. 1994. Т. 2.
Graetz H. Geschichte der Juden, Bd.11.
Моммзен Т. Римская история, т. III.
Журнал «Красный Архив», тт. IV, VI, X.
Журнал «22», Тель-Авив, 1978 г.; *Дон Левин.* «На краю соблазна».
Кожин В. Журнал «Святая Русь», № 3, 2000.
Margolina Sonja. «Das Ende der Lugen». Berlin, 1992.
Shahak Israel. «Histoire juive – Religion juive. Le poids de trois millénaires» 1996.
Зеньковский В. В. На темы историософии. Тайна Израиля. Санкт-Петербург, 1993.
Рид Д. Спор о Сионе (перевод с английского).
Дюк Д. Еврейский вопрос глазами американца. М, 2001.
Шульгин В. В. Что нам в них не нравится. М, 1992.

Глава 2

Античность

Внешне история Иудеи и иудеев в эпоху античности ничем не отличается от истории любого небольшого государства Ближнего Востока и одного из многих народов, населявших Средиземноморье. Одно время Иудея входила в сферу влияния Египта. Потом была завоевана (ее северная часть) Ассирией, потом (остальная часть) – Ново-Вавилонским царством. Большие империи того времени часто решали национальные проблемы путем переселения входивших в них народов (как в 1940-е годы в Советском Союзе или в Польше и Чехословакии, где немцы были выселены из плотно заселенных ими областей). Такова же была участь иудеев («Вавилонское пленение»). Подобные переселения способствовали созданию многочисленной диаспоры. После подчинения Ближнего Востока Персидской империи часть иудеев, пожелавших вернуться на родину, получила разрешение это сделать. Иудея, как часть Персидского царства, была завоевана во время походов Александра Македонского и вошла в его империю. После его смерти она стала предметом споров для двух эллинистических монархий: Птолемея в Египте и Селевкидов в Азии. Она не раз переходила из рук в руки, что сопровождалось опять значительными переселениями иудейского населения в победившую страну. Но, в конце концов, Иудея стала частью империи Селевкидов. Воспользовавшись ослаблением этой империи и опираясь на поддержку Рима, все более влиявшего на все Средиземноморье, Иудея на время опять добилась независимости, под управлением сначала первосвященника, потом – царя. Однако она все более подпадала под влияние Рима и в 6-м году I в. после Р.Х. стала римской провинцией. Римское господство вызывало восстания, сурово подавлявшиеся (что бывало и в других провинциях). После восстания 66–70 гг. I в. после Р.Х., подавленного императорами Веспасианом и Титом, был разрушен Иерусалимский храм и упразднено звание первосвященника, но иудаизм как религия в Империи не притеснялся, надолго сохранилась власть Синедриона (духовный суд), патриарха.

Однако за этим фасадом, довольно стандартным для античной истории, скрываются некоторые принципиальные отличия. Два фактора кардинально отличают античных иудеев от других народов Средиземноморья: это их религия, т. е. Ветхий Завет с содержащимся в нем учением об избранном народе, и необычная солидарность и влияние иудейской диаспоры.

Ветхий Завет создал мировоззрение избранного богом народа, которому предназначена роль руководителя и властителя человечества, которому все другие народы предназначены служить, ради которого весь мир, может быть, только и создан. Мы соприкасаемся здесь с самым ядром интересующего нас явления. Это поразительное, больше нигде не возникавшее мировоззрение в течение тысячелетий определяло отношение еврейства к остальному человечеству. Поэтому мы попытаемся сейчас по возможности охарактеризовать его рядом цитат из Ветхого Завета, даже рискуя, быть может, утомить читателя обилием этих цитат.

«Так говорит Господь Саваоф: будет в те дни, возьмутся десять человек из всех разноязычных народов, возьмутся за полу Иудея и будут говорить: мы пойдем с тобою, ибо мы слышали, что с вами – Бог». (Захария 8, 23)

«Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои, и цари их служить тебе; ибо во гневе Моем Я поражал тебя, но в благоволении Моем буду милостив к тебе. И будут всегда отверсты врата твои, не будут затворяться ни днем, ни ночью, чтобы приносимо было к тебе достояние народов и приводимы были цари их. Ибо народ и царства, которые не захотят служить тебе, погибнут, и такие народы совершенно истребятся». (Исайя 60, 10–12)

«И будут цари питателями твоими, и царицы их кормилицами твоими; лицом до земли будут кланяться тебе и лизать прах ног твоих, и узнаешь, что Я Господь, что надеющиеся на Меня не постыдятся». (Исайя 49, 23)

«Ибо ты распространишься направо и налево, и потомство твое завладеет народами и населит опустошенные города». (Исайя 54, 3)

«И возьмут их народы и приведут на место их, и дом Израиля усвоит их себе на земле Господней рабами и рабынями и возьмете плен пленивших его, и будет господствовать над угнетателями своими». (Исайя 14, 2)

«И придут иноземцы, и будут пасти стада ваши; и сыновья чужеземцев будут вашими земледельцами и вашими виноградарями.

А вы будете называться священниками Господа – служителями Бога нашего будут именовать вас; будете пользоваться достоянием народов и славиться славою их». (Исайя 61, 5–6)

Другие народы воспринимались как поклонники ложных богов, опасные соблазнитель, способные отклонить Израиль от служения истинному богу. По отношению к ним внушалась подозрительность, враждебность и жестокость, необычная даже для тех времен. Утверждалась двойная мораль – отношение к язычникам как существам иного сорта, на которых не распространяются законы, данные Израилю, над которыми Израилю предназначено властвовать не просто по праву сильного, не в силу принадлежности к высшей культуре (как, например, понимали греки противопоставление эллинов варварам), а по воле высшей силы, не нуждающейся ни в оправдании, ни в аргументах.

«Не вступай в союз с жителями той земли, чтобы когда они будут блудодействовать вслед богов своих и приносить жертвы богам своим, не пригласили и тебя, и ты бы не вкусил жертвы их.

И не бери из дочерей их женами сынам своим, дабы дочери их, блудодействуя вслед богов своих, не ввели и сынов твоих в блужение вслед богов своих». (Исход 34, 15–16)

«А в городах сих народов, которых Господь Бог твой дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души. Но предай их закланию: Хеттеев и Амореев, и Хананеев и Ферезеев, и Евеев, и Иевусеев, как повелел тебе Господь, Бог твой.

Дабы они не научили вас делать такие же мерзости, какие они делали для богов своих, и дабы вы не грешили перед Господом, Богом вашим». (Второзаконие, 20, 16–18)

«Потому что они – Мои рабы, которых Я вывел из земли Египетской; не должно продавать их, как продают рабов. Не господствуй над ними с жестокостью, и бойся Бога своего.

А чтобы раб твой и рабыня твоя были у тебя, то покупайте себе раба и рабыню у народов, которые вокруг вас.

Также и из детей поселенцев, поселившихся у вас, можете покупать, и из племени их, которое у вас, которое у них родилось в земле вашей, и они могут быть вашей собственностью.

Можете передавать их в наследство и сынам вашим по себе, как имение; вечно владейте ими как рабами. А над братьями вашими, сынами Израилевыми, друг над другом не господствуйте с жестокостью». (Левит, 25, 42–46)

«С иноземца взыскивай, а что будет твое у брата твоего, прости». (Второзаконие, 15, 3)

«Иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост». (Второзаконие, 23, 20)

«И сказал им Моисей: для чего вы оставили в живых всех женщин?

Вот они, по совету Валаамову, были для сынов Израилевых поводом к отступлению от Господа... И так убейте всех детей мужеского пола и всех женщин, познавших мужа на мужском ложе, убейте». (Числа 31, 15–17)

«И взяли в то время все города его, и предали заклятию все города, мужчин и женщин и детей, не оставили никого в живых». (Второзаконие, 2, 34)

«И предали заклятию все, что в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, все истребили мечом». (Иисус Навин 6, 20)

«Господь сказал: «От Васана возвращу, выведу из глубины морской.

Чтобы ты погрузил ногу твою, как и псы твои язык свой, в крови врагов». (Псалом 67, 23–24)

Второй фактор – рассеяние – почти столь же древнего происхождения. На протяжении грандиозного исторического периода – от середины I тысячелетия до Р.Х. до наших дней – большая часть еврейского народа жила вне своей родины, среди других народов, не смешиваясь с ними и не теряя своего национального лица. В частности, так было и в период, о котором идет речь сейчас: между серединой I тысячелетия до Р.Х. и серединой I тысячелетия после Р.Х. «Еврейский народ распространен по всей земле, рассеянный среди жителей множества стран». «Нет ни одного города эллинов и ни одного варварского народа, куда бы не проник наш обычай празднования субботы, пост и возжигание свечей», – пишет Иосиф Флавий. Действительно, свидетельства античных авторов и данные раскопок показывают, что евреи были распространены по всему античному миру: от Испании до Евфрата, от Эфиопии до Галлии, от Мавритании до Крыма. «Трудно указать место в мире, где этот народ не нашел бы себе места и не стал хозяином», – говорит Страбон. Среди населения второго по значению города Римской империи – Александрии – евреи одно время составляли едва ли не большинство. Их общее число в Римской империи оценивается в 5–7 миллионов – от 10 до 12 % всего населения.

Смешение национальностей было характерно для древнего мира: ассирийского и персидского царств, эллинистических монархий и Римской империи. Но рассеяние евреев имело несколько черт, благодаря которым оно стало совершенно уникальным явлением. Прежде всего то, что большая часть евреев проживала вне своей исторической родины, Иудеи. Советский историк С. Я. Лурье относит начало этого явления к эпохе «Вавилонского пленения» (586...538 гг. до Р.Х.), когда большинство населения Иудеи сначала было переселено во внутренние области Месопотамии, а потом получило разрешение вернуться на родину – или даже к еще более раннему времени. Лурье пишет:

«В эпоху Вавилонского пленения, а вероятно, даже и раньше, евреи были по преимуществу народом рассеяния. Палестина была только религиозным и отчасти культурным центром».

Послепленный Иерусалим сам был искусственным образованием диаспоры с центром в Вавилоне. Еще ярче высказывает эту мысль Т. Моммзен:

«История иудейской страны была так же мало историей иудейского народа, как история папских владений была историей католицизма.

Но жители Палестины составляли только часть, и не самую значительную часть, иудейского народа. (Речь идет об эпохе эллинизма.) Иудейские общины – вавилонские, сирийские, малоазиатские, египетские – были гораздо значительнее палестинских. (...) Эти последние не играли такой важной

роли, какую играла во времена империи иудейская диаспора, которая была чрезвычайно своеобразным явлением».

Второй особенной чертой еврейской диаспоры была сплоченность, ощущение принадлежности к единой организации и часто противопоставления евреев окружающему их миру. «Их столица – это святой город Иерусалим, а как граждане они принадлежат тому городу, в котором родились и были воспитаны», – пишет Филон. Каждый еврей, достигший двадцати лет, должен был платить дань в пользу Иерусалимского храма и хотя бы раз в жизни посетить его. Яркую картину рисуют Деяния Апостолов:

«В Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небесами (...). Парфяне и Мидяне, и Еламиты и жители Месопотамии, Иудеи и Капподокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие из Рима, иудеи и прозелиты, Критяне и Аравитяне». (Дея.2, 5; 2, 9-11)

Филон приводит письмо царя Иудеи Агриппы императору Калигуле. Он просит предоставления некоторых привилегий и обещает за это императору поддержку. Но интересно, что он выступает при этом как представитель всей диаспоры. Например, перечисляет, в каких местностях евреи влиятельны: Египет, Финикия, Сирия, Памфилия, Киликия и большая часть других провинций Азии вплоть до Вифинии. И в Европе: Фессалия, Беотия, Македония, Аптика, Этолия, Коринф и Пелопоннес. Также Евбея, Кипр и Крит и земли за Евфратом.

Флавий приводит рескрипт Юлия Цезаря, в котором тот признает Гиркана II с его потомками «иудейскими этнархами», причем из контекста можно заключить, что речь идет о власти над иудеями диаспоры. Восстания в Иудее вызывали волнения по всей Римской империи. Дион Кассий утверждает даже, что во время осады римлянами Иерусалима помощь осажденным приходила не только от евреев Империи, но и из областей к востоку от Евфрата.

В предыдущей главе приведена цитата из Моммзена, показывающая, как отношение римского чиновника к евреям в провинции неожиданно отражалось на его карьере в Риме. Цицерон говорил:

«Ты знаешь, Лелий, что это за шайка, как они держатся вместе, какое влияние оказывают на собраниях. Поэтому я буду говорить тихим голосом, чтобы меня могли слышать только судьи, потому что найдется много людей, готовых натравить эту толпу на меня и на каждого порядочного человека, а мы не хотим этого облегчить...» (Перевод С. Я. Лурье)

Такое ощущение единства в рассеянии поддерживалось силами, которые мешали раствориться в окружающей национальной и культурной среде, поддерживали изолированность еврейства. Такую роль играли сложные, досконально разработанные ритуалы, выполнение которых было необходимым условием принадлежности к иудаизму: обрезание, многочисленные ограничения в пище, посты, соблюдение субботы и т. д. Но и просто идеология отчуждения, для которой столь обильную пищу давал Ветхий Завет.

Так, книги Ездры и Неемии описывают грех, в который впали евреи, остававшиеся в Палестине в период «пленения», взяв иноплеменных жен и произведя от них детей-полукровок, а также и очищение от этого греха. Ездра пишет:

«По окончании сего, подошли ко мне начальствующие и сказали: народ Израилев и священники и левиты не отделились от народов иноплеменных с мерзостями их, от Хананеев, Хеттеев, Ферезеев, Иевусеев, Аммонитян, Египтян и Аморреев.

Потому что взяли дочерей их за себя и за сыновей своих, и смешалось семя святое с народами иноплеменными... Услышав это слово, я разодрал нижнюю и верхнюю одежду мою, и рвал волосы на бороде моей, и сидел печальный». (Езд. 9, 1–3)

Также и Неемия:

«Еще в те дни я видел Иудеев, которые взяли за себя жен из Азотянок, Аммонитянок и Моавитянок. И оттого сыновья их вполнину говорят по-азотски, или языком других народов, и не умеют говорить по-иудейски. Я сделал за это выговор и проклинал их, и некоторых из мужей бил, рвал у них волосы и заклинал их Богом, чтобы они не отдавали дочерей своих за сыновей их и не брали дочерей их за сыновей своих». (Неем.13, 23–25)

Было принято радикальное решение:

«...мы сделали преступление перед Богом нашим, что взяли за себя жен иноплеменных из народов земли; но есть еще надежда для Израиля в этом деле». «Заклучим теперь завет с Богом нашим, что, по совету господина моего и благоговеющих перед заповедями Бога нашего, мы отпустим от себя всех жен и детей, рожденных ими, – и да будет по закону!» (Езд.10, 2–3)

«И встал Ездра священник, и сказал им: вы сделали преступление, взявши себе жен иноплеменных, и тем увеличили вину Израиля.

Итак, покайтесь в сем перед Господом, Богом отцов ваших, и исполните волю его, и отлучите себя от народов земли и от жен иноплеменных.

И отвечало все собрание, и сказало громким голосом: как ты сказал, так и сделаем». (Езд. 10, 10–12)

В первые века до Р.Х. и после Р.Х. возникла большая литература иудейского происхождения, иногда ориентированная на еврейского читателя, усвоившего греческую культуру. Часть этих произведений позже получила название «апокрифов». Например, в III книге Ездры говорится:

«О прочих же народах, происшедших от Адама, Ты сказал, что они ничто, но подобны слюне, и все множество их Ты уподобил каплям, каплющим из сосуда». (III кн. Ездры 6, 56)

Книга Юбилеев (апокрифическое иудаистическое сочинение, написанное в II в. до Р.Х.) даже грозит смертью за смешанный брак. Там говорится также:

«Ты же, сын мой, чуждайся иных народов, не ешь с ними, не следуй их обычаям, не заводи среди них товарищей. Ибо дела их не чисты, а пути мерзостны».

В исходящем из еврейской среды «Письме Аристея» читаем:

«Законодатель, которому Бог дал познания всех вещей, окружил нас непроницаемой оградой и гранитной стеной, чтобы мы не имели общности ни с одним народом, оставаясь чистыми душой и телом, чуждыми бессмысленных ложных учений».

И более конкретно, в Талмуде, созданном в первых столетиях после Р.Х., приводятся запреты приглашать иноплеменника (гоя) в свой дом, оказывать ему любое гостеприимство, одалживать ему свое поле или свою баню и т. д. и т. д.

Но, пожалуй, самой поразительной чертой античного еврейства было то, что эта тенденция к изоляции мирно уживалась со стремлением к ассимиляции (хотя бы и внешней), к вхождению в окружающую культурную среду и влиянию на окружающую жизнь.

Так, евреи часто занимали высокое положение в городском самоуправлении, в управлении финансами и войском в эллинистических государствах. Многие еврейские авторы писали по-гречески или по-латыни, обращаясь к широкой, нееврейской аудитории. Евреи перенимали все внешние признаки греко-латинской культуры, часто меняя даже имена иногда по принципу созвучия (например, Эсфирь – Астер, Моисей – Мусий), иногда – по переводу (например, Цадок – Юстус – справедливый, Соломон – Ириней – мир). Но это никак не было признаком полного включения в общую жизнь античного мира. Евреи, занимавшие высокие посты, энергично отстаивали интересы евреев своего города или провинции, а иногда и других провинций. Интересы писавших по-гречески и по-латыни еврейских авторов вращались вокруг положения евреев, их роли в мире. Многие из них стремились убедить своих читателей в преимуществе еврейского Закона, в том, что и античная культура имеет своим источником законы Моисея. Флавий писал, например:

«От нас восприняли законы и другие люди, беря их все более и более за образец. Первыми же – греческие философы, хоть они, по видимости, и держались своих отечественных законов, в своих делах, в своей философии все более следовали ему (Моисею)».

Или Аристобул:

«Как известно, Платон взял наши законы за образец и, очевидно, знал их в подробностях. Он ведь был очень жаден до знания, как и Пифагор, многое в своем учении почерпнувший у нас. Я думаю, что Пифагор, Сократ и Платон, когда они все исследовали, под конец стали следовать этим (Моисеевым) законам».

В другом же месте он утверждает, что «Гомер и Гесиод уважали святой праздник субботы».

С этой же тенденцией проникновения евреев в общество связано и выработанное в то время положение, согласно которому сын еврейки от смешанного брака являлся полноправным евреем. Как оно уживалось с отрицательным отношением к смешанным бракам, примеры которого мы приводили, по-видимому, никто этого не смог объяснить!

Более того, евреи вели исключительно интенсивную пропаганду, вербуя прозелитов среди окружающего населения. Как говорит Евангелие:

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного: и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас». (Мф. 23, 15)

Флавий не раз сообщает, как во время войн иудеи принуждали побежденных соседей принять иудаизм, например:

«Гиркан взял идумейские города Адару и Мариссу и, подчинив своей власти всех идумеян, позволил им оставаться в стране, но лишь с условием, чтобы они приняли обрезание и построили вообще свою жизнь по иудейскому образцу».

Он оказал большие услуги своему отечеству, ведя войну с Итуреей и присоединив значительную часть этой страны к Иудее, причем принудил тех из итурейцев, которые захотели остаться в своей области, принять обрезание и жить по законам иудейским.

Евреи привлекали к своему богослужению множество эллинов и включали их, в некотором роде, в число своих.

Такой прозелиткой была, например, жена императора Нерона Поппея, двоюродные брат и сестра императора Домициана.

Ориентированная на прозелитов литература подчеркивала «философский», «нравственный» смысл еврейских обрядов, отодвигая на задний план ритуальную сторону иудаизма. По-видимому, прозелиты не были полноправными членами еврейских общин, освобождались от многих обрядов, образуя слой «сочувствующих» или клиентов вокруг ядра собственно иудейства. Они имели даже особое название – «Чтущие истинного Бога». Обращаясь к прозелитам (или вербуя их), еврейские авторы часто выставляли иудаизм как родоначальника «языческих религий». С. Я. Лурье называет это «товаром на продажу». Какой же смысл, спрашивает он, в таких прозелитах, которые даже не уловили, что единобожие – основа иудаизма? Объяснение Лурье заключается в том, что «народ, живущий в рассеянии, не должен пренебрегать никаким союзником».

Таким образом, еврейская диаспора в античности была, по-видимому, каким-то совершенно особенным явлением, в принципе отличным от греческих или сирийских кварталов любого тогдашнего города.

Ее необычность должна была тем более привлекать внимание современников, что евреи оказывали значительное влияние на жизнь окружающего общества. Так, при царе Птолемеи III Эвергете, Иосиф, сын Товия, взял на откуп все налоги египетской Сирии на 22 года. Во время правления Птолемея Филоматера и его сестры Клеопатры высшая власть в Египте находилась в основном в руках евреев. Например, командовали войсками Ония и Досифей. Дочь Птолемея VI, Клеопатра, назначила полководцами Анания, сына Онии, и Халика. «Без их совета она ничего не предпринимала», – говорит Флавий. Яркую картину рисует так называемый «Оксирингский папирус», изображающий трения между евреями и греками в Александрии и посольство тех и других к Траяну в Рим. Под впечатлением явного благоволения императора евреям (на приветствие греков он даже не ответил) глава греческой делегации воскликнул: «Больно нам, что городской совет заполнен евреями».

Влияние евреев всегда возрастало в период образования «мировых монархий», объединявших много национальностей в одном государстве. Моммзен объясняет это тем, что создатели таких монархий видели в евреях опору при подавлении национальных стремлений покоренных народов. Создатель персидского царства Кир разрешил желающим евреям репатрироваться из Месопотамии в Палестину. Как сообщает Иосиф Флавий, Александр Македонский при основании Александрии дал евреям равные права с македонцами (т. е. завоевателями). Ряд привилегий в Римской империи евреи получили от Цезаря, эти привилегии подтверждены Августом. Один историк называет их «настоящей Великой Хартией Вольностей». Евреи были освобождены от подати, была разрешена посылка дани в Иерусалимский храм (в то время как вообще вывоз золота воспрещался), их собрания контролировались их самоуправлением, они имели юридическую автономию, в то время как римское право считалось одним из основных средств унификации империи. Фактически это была экстерриториальность.

Велико было и экономическое влияние еврейства. В Александрии, самом богатом городе империи, самые богатые купцы были евреи. В их руках находилась торговля зерном, жизненно важная для всего государства.

Силу и сплоченность еврейской диаспоры продемонстрировали два восстания, вспыхнувшие в Римской империи во II в. после Р.Х. Первое произошло примерно в 118 г., когда император Траян был вовлечен в войну с парфянами. Оно охватило ряд провинций: Киренаику, Египет, Кипр, Месопотамию. Как пишет Моммзен, целью было «изгнание как Римлян, так и Эллинов и, кажется, имелось в виду основание особого иудейского государства». Судя по

размаху волнений, это было бы государство, объединяющее всю восточную часть Средиземноморья. Историки пишут о жестокостях, которыми сопровождалось восстание. Например, Дион Кассий уверяет, что во время восстания, поднятого евреями в Кирене, они не только перебили всех греков и римлян (220 000 человек), но и увенчивались их кишками, омывались их кровью, покрывались их кожами. Орозий пишет, что, взяв город Сапамис в Кипре, они истребили всех жителей, город уничтожили.

Конечно, численные данные, приводимые античными авторами, обычно не претендуют на точность. Подобные высказывания лишь показывают, что авторы, жившие во время, близкое к происходившим событиям, считали число жертв очень большим, а жестокости – выходящими за рамки обычных.

Восстание было подавлено, но для этого были использованы войска, предназначавшиеся для войны с парфянами. Траян был вынужден войну (и вообще экспансию на восток) прекратить.

Второе восстание произошло примерно в 130 г. в Палестине при императоре Адриане. Во главе восставших стоял священник Элезар и вождь боевых отрядов Симон по прозвищу Бар Кохба (Сын Звезды). Возможно, последний объявил себя Мессией. Восстание было тоже очень ожесточенным, но было подавлено. Вместо Иерусалима была основана римская колония Элия Капитолина, куда иудеям въезд был запрещен под страхом смерти. Имя Иудеи тоже было устранено – провинция стала называться Сирией Филистимлян или Палестиной. Некоторые историки считают, что оба восстания планировались как одно единое, но этот план не удалось осуществить.

Неудивительно, что античные авторы много писали о евреях, их истории, обычаях и влиянии на жизнь. Их суждения производят очень странное впечатление: они удивительно единодушны в отрицательном отношении к «еврейству», хотя конкретные обвинения столь разнородны, что нелегко угадать их общую причину. Здесь есть и совершенно бессмысленные выдумки. Например, Диодор утверждает, что евреи произошли от части египетского населения, страдающей какой-то кожной болезнью и за это изгнанной из страны. Ту же версию приводит Манефон.

Некоторые авторы исходят из отрицательной оценки религии евреев, считая, что она «враждебна человечеству». Тацит говорит о религии евреев, что они почитают все, что презирается другими народами, и презирают все, что у них свято. Похожую мысль высказывает Диодор:

«Они исповедуют законы ненависти против человечества. Ибо из всех народов им одним запрещено общение с другими. Моисей дал им эти человеконенавистнические законы».

Гекатей Абдерский, живший при Птолемеях I в III в. до Р.Х., писал о Моисее:

«...в отместку за собственное изгнание (из Египта) он научил своих чуждаться людей и ненавидеть иностранцев».

Он называет законы Моисея «враждебными к иностранцам». Учитель Цицерона – Аполлоний с Родоса – написал полемическое сочинение против евреев, где упрекает их в отрицании греческих богов, человеконенавистничестве и обособленности от всех, кто верует иначе.

Упрекали евреев и в отчужденности, враждебности к другим, проявлявшейся даже в обычной жизни. Ювенал пишет:

«Чужому они не укажут дорогу, лишь своего проводят к прохладному источнику».

Поэт Рутилий Наматиан говорит:

«Сердце же их холодней самой религии их».

Наконец, часто высказывались опасения, что евреи подчиняют себе жизнь других народов: тот же Наматиан, например, писал:

Пусть бы несущее ужас оружие Помпея и Тита
Не покорило нам вовсе страны Иудейской!
Вырвав из почвы, заразу по свету пустили,
И победитель с тех пор стонет под игом раба.

(Перевод С. Я. Лурье)

Эта мысль, по-видимому, была распространена. Например Блаженный Августин цитирует слова Сенеки:

«Так побежденные предписывают законы победителям».

У всех этих выдумок, преувеличений, огульных обвинений теологических, социальных и психологических наблюдений можно все же выделить нечто общее. Они рисуют еврейство как единое сплоченное целое, чужеродное окружающей жизни, античному обществу в целом. Можно представить себе антипатию, раздражение, а иногда и страх, который вызывало это странное образование, рассеянное, но духовно сплоченное; проникающее в политическую, экономическую и культурную жизнь и одновременно исповедующее религию крайнего отчуждения («отлучите себя от народов земли»), вербующее прозелитов, которые не постигают даже центрального догмата их религии, но уже перестают быть эллинами, римлянами, египтянами, вырываются из своей национальной и культурной среды.

В разных странах античного мира и в различные эпохи античной истории засвидетельствованы столкновения местного населения с евреями диаспоры. Еще в V веке до Р.Х. такие столкновения отмечены в Элефантине на юге Египта – они связаны с персидским завоеванием и покровительством, которое персы оказывают евреям. Во время правления императора Калигулы ожесточенная распря разразилась в Александрии. Калигула высказался было против евреев, не желавших поклоняться его статуе, но тут его сменил Клавдий и отменил решение. Два главных противника евреев были осуждены на смерть.

С. Я. Лурье в книге «Антисемитизм в Древнем мире» объясняет эту необычную для античности «несовместимость» евреев с другим населением тем, что евреи составляют «особую» нацию, не сосредоточенную на одной территории, а живущую среди других, но тем не менее, обладающую национально-государственным чувством, которое, однако, находит у них выражение не через язык или государство. Если прибавить, что эта нация активно влияла на жизнь стран, в которых она обитала, подчиняя себе некоторые стороны их жизни и разрушая другие, то это отчасти и даст объяснение антиеврейским настроениям античного общества.

Приведем мнения трех крупнейших историков:

Эдуард Майер:

«Вместе с еврейством в мир пришел и его вечный спутник – ненависть к евреям (Judenhass) или, может быть, еврейская ненависть? (Оба перевода возможны. – И.Ш.) В корне неправильно, как это делают теперь, считать его продуктом новейшего времени или христианства. Уже в псалмах все время говорится о нем. Не их Бог и религия сама по себе были причиной насмешек, презрения и преследований евреев со стороны язычников, но высокомерное убеждение в своем превосходстве, с которым они как единственные исповедники истинного Бога, противопоставляли себя всем остальным народам, отрицали всякое соприкосновение с ними как с нечистыми, считали себя выше и лучше их, предназначенными над ними господствовать. Кто не стал через откровение прозелитом, тому евреи

представлялись столь же нечистыми и отталкивающими, как и он им. Евреи воспринимали это противоречие с тем большей горечью, что оно казалось им обращением естественного порядка вещей, – поэтому все повторяющиеся требования Суда, Расплаты с грешниками, призывы дня Ягве. Движущей силой являлась здесь жажда мести, а не стремление к постижению тайны Божества. Ненависть к язычникам была обратной стороной стремления их обратить. Поэтому в бессилии современности фантазия все ярче рисовала картины истребления язычников».

Макс Вебер:

«Всеобщее распространение “антисемитизма” в античности – факт. Также бесспорно, что это постепенно растущее отрицательное отношение к евреям развивалось параллельно с ростом отрицательного отношения евреев к общению с иноверцами. Античное отрицательное отношение к евреям было в корне отлично от “расовой антипатии”: это показывает, например, грандиозный размах иудейского прозелитизма. Как раз отрицательное отношение самих евреев определяло то, как складывались взаимоотношения. Непривычных и кажущихся абсурдными обычаев было в античности более чем достаточно: не в этом, конечно, была причина. Подчеркнутый отказ в почтении к богам того полиса, гостями которого они были, конечно, воспринимался как оскорбление и безбожие. Но и это не было решающим. “Человеконенавистничество” евреев – это и был, если смотреть в корень, решающий и последний упрек-отрицание совместной жизни, сближения и товарищеского отношения какого-либо рода, даже на деловой почве.

Нельзя недооценивать и исключительно сильного отталкивания каждого, стоящего на почве фарисейства, от сотрудничества с иноверцами – момента, экономическое действие которого не могли не заметить их языческие конкуренты. Социальная изоляция евреев, это «гетто» в самом глубоком смысле слова, первоначально было избрано и создано исключительно по собственной инициативе – и со временем все в большей и большей степени ...И рука об руку с безоговорочной изоляцией от ритуально нечистых шла страстная работа по вербовке прозелитов».

Т. Моммзен относит возникновение отчуждения между иудейской диаспорой и остальным населением античного мира уже к I в. после Р.Х. Он пишет об этой эпохе:

«Чужеземцами Иудеи всегда были и хотели быть; но чувство отчуждения усилилось и в них самих и против них, до крайности, и из него обе стороны стали упорно извлекать его гнусные вредные последствия. От легких насмешек Горация над навязчивыми Иудеями из Римского Гетто был велик шаг до безусловной ненависти Тацита к этим извергам рода человеческого, для которых все чистое нечисто, а все нечистое – чисто...

Жизнь Иудеев рядом с не-Иудеями становилась все более и более неизбежной и при данных условиях все более и более невозможной; противоположности в верованиях, в законах, в нравах обострялись, и как обоюдное презрение, так и обоюдная ненависть оказывали в обе стороны губительное влияние на нравственность... Это ожесточение, это высокомерие и эта ненависть, в том виде, в каком они возникли в ту пору, конечно, были лишь неизбежным всходом, быть может, не менее неизбежного посева; но

оставленное теми временами наследие до сих пор лежит тяжелым бременем на человечестве».

С закатом античности влияние еврейства резко падает. Тут несомненно сыграло роль и уменьшение значения городов (а евреи были в значительной мере городскими жителями) и уменьшение роли торговли и финансов (а это были те занятия евреев, которые задавали их вес в обществе). Но основной причиной было возникновение христианства и его победа как организующей силы жизни, возникло христианское общество, и стало невозможно активно участвовать в его жизни, в то же время принадлежа другому – еврейскому обществу. Еврейство вынуждено было сделать выбор, и оно выбрало изоляцию – теперь уже полную, уход в гетто.

Роль христианства в этом изменении положения евреев очень ясно чувствует, например, Гретц. В I томе «Истории еврейского народа», говоря о возникновении христианства, он пишет:

«Этому выродку с маской смерти было суждено нанести впоследствии много болезненных ран еврейству».

И произошел этот переворот, по мнению Гретца, как раз в тот момент, когда еврейство было близко к достижению своей цели: «стать учителем человечества».

Античность во взаимоотношениях с евреями демонстрирует нам черты, иногда удивительно напоминающие новое время, даже последний век или последние десятилетия. Но в некоторых отношениях это как бы уменьшенная модель, «репетиция», какие часто предшествуют крупным историческим явлениям, вроде того как наша революция 1917 г. имела «репетицию» в 1905 г. Это прежде всего относится к реальному политическому господству. Хотя мы встречаем очень влиятельных евреев – полководцев или финансистов, нельзя указать на что-либо, аналогичное еврейской верхушке Советского Союза в первые десятилетия коммунистической власти или верхушке финансового мира и руководства СМИ на современном Западе. И то, что особенно болезненно запоминается, руководство террористическими действиями против нееврейских народов. Такие фигуры, как Розалия Самойловна Землячка или Мадлен Олбрайт, не описаны античными авторами. Когда Цицерон намекает на еврейское влияние на римском Форуме, это вполне можно оценить как ораторский прием. К тому же, взаимоотношения с евреями обсуждались свободно, не видно проявлений цензуры в этой области, так характерной для современной жизни.

Но принципиальные факторы, определяющие и сейчас ситуацию «еврейства», уже налицо в античности. Это – загадочное соединение строжайших ветхозаветных, а также талмудических заповедей с активным вхождением в общую для античности эллинистическую культуру. Как говорит Моммзен:

«Несмотря на то, что большая часть Иудеев расселялась по чужим странам и в их сферу проникали массы чужеземцев и даже разрушительные эллинские элементы, все Иудеи, вместе взятые, оставались в самой глубине своего сознания в таком единении, которому в настоящее время предоставляет некоторую аналогию Ватикан и Кааба».

В современном мире это единство, с одной стороны, раввинистической и талмудической идеологии, господствующей в Израиле, а с другой – «эмансипированного» или «реформированного» еврейства других стран. Это та «чудесная взаимосвязь», которую еще в неокрепшем виде наблюдал Гретц в XIX в. (ср. цитату в гл.1).

Литература:

Моммзен Т. Римская история. Т.V.
Тацит. Анналы, История.

- Иосиф Флавий*. Иудейская война, Иудейские Древности.
Августин Бл. О Божьем Граде.
Ювенал. Сатиры.
С. Я. Лурье. Антисемитизм в древнем мире. Петроград, 1922.
Leon H. G. The Names of Jews in the Ancient Rome, Trans. and Proc. Amer. Philol. Assoc., 59 (1928), p. 216.
Josephus Flavius. Against Apion. Works, v. 5.
Les oeuvres de Philon d'Alexandrie. Lion, 1975, v.v. 24, 25, 31.
Dio Cassius. Roman History, London, 1927.
Diodorus Sicilius. Bibliothque historique, Paris, 1846.
Eusebius Pamphilus. Werke, Berlin, 1954, Bd 8.
Charles R. H. (transl.). The Book of Jubilee.
Reinach Th. Textes d'auteurs grecs et romains relatifs au Judaisme, Paris, 1894.
Belich J. Die Bevolverung griechischromischen Welt, 1866.
Parvan. Die Nationalitet der Kaufleute im romischen Keiserreich, Breslau, 1909.
Meyer Ed. Geschichte des Altertums, Bd III, Stuttgart, 1901.
Graetz H. Geschichte der Juden, Bd I.
Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie, Bd III, Das Antike Judentum, Tubingen, 1923.
Антисемитизм. «Еврейская энциклопедия». Изд. Брокгауза и Эфрона. Т. II. СПб.
Диаспора. «Еврейская энциклопедия». Изд. Брокгауза и Эфрона. Т. III. СПб.

Глава 3

Средние века

История еврейства в Средние века полна трагизма и драматических контрастов. Часто евреи подвергались ограничениям и жестоким притеснениям. Но затем наступали периоды благополучия, когда они пользовались многими привилегиями, они влияли на важнейшие стороны жизни других народов. Однако неизменно эти периоды кончались новыми преследованиями, изгнанием всех евреев, а иногда и физическим истреблением целых общин, тысяч человек.

Вся картина жизни средневекового еврейства не будет понятной, если не иметь постоянно в виду этого ее фона – периодических жестоких гонений. Поэтому начнем с того, что приведем несколько примеров.

В 1096 г., во время подготовки к I Крестовому походу, царившее тогда религиозное возбуждение часто выражалось в том, что большие группы крестоносцев врываются в еврейские кварталы и требуют, чтобы евреи, под страхом смерти, крестились. Большей частью это заканчивалось избиением целых общин, иногда – массовым самоубийством евреев. Редкие общины спасались, принимая крещение. В Вормсе было убито 800 человек, в Майнце – 1000, разгрому подверглись общины Трира, Метца, Кельна. Всего за май – июль 1096 г. погибло от 4 до 8 тысяч человек. В меньшем масштабе то же повторилось в связи со II Крестовым походом 1146 г.

В 1189 г. в Лондоне начался мятеж, вылившийся в массовые убийства евреев. Он перекинулся на всю Англию. В Йорке, например, было истреблено все еврейское население.

В связи с обвинениями в осквернении святых даров в Белитце, близ Бранденбурга, было сожжено почти все еврейское население.

В 1251 г. попытка организовать «крестовый поход пастухов» вылилась в народное восстание, известное под именем восстания «пастушков» (Pastorelli). Второе восстание «пастушков» относится к 1320 г. Неизменным объектом ненависти восставших были евреи, которых они безжалостно истребляли. Во время II восстания евреи, изгнанные тогда из королевских французских владений, жили только в английских владениях. Но и там они были истреблены почти полностью.

Обвинения в похищении и убийстве христианских детей в Роттенгеме (1298 г.) привели к убийствам евреев во Франконии, Баварии и Австрии.

В 1348–1349 гг. в Западной Европе разразилась страшная эпидемия чумы: «Черная смерть». Погибло около 1/3 населения Западной Европы, гораздо больший процент, чем во время I и II мировых войн, вместе взятых. В народе было распространено убеждение, что это бедствие – результат заговора евреев, отравляющих колодцы с целью уничтожить всех христиан. Следствием были восстания и массовые убийства евреев – самые жестокие в Средние века. Их убивали и сжигали в их домах и синагогах от Средиземноморского побережья до Северной Германии. Во Франкфурте-на-Майне и в Майнце в 1349 г., были перебиты все евреи. Массовые избиения произошли в Брюсселе (погибло 600 человек), Кельне, в Нидерландах. В Германии и Нидерландах осталось очень мало евреев.

В Севилье в 1391 г. было убито около 4000 человек. Антиеврейские восстания захватили и другие города Испании.

К тому же кругу явлений относятся избиения евреев, которые происходили во время антипольских восстаний на Украине. Например, еврейское население Немирова в 1648 г. было истреблено казаками Хмельницкого, причем, по словам еврейского хрониста, казаков впустило в город и им помогало местное население «из ненависти к евреям». Как пишет «Еврейская

Энциклопедия»: «Еврей-арендатор сталкивался постоянно с крестьянином, взыскивая с него оброк, заставляя его нести барщину». Одним из требований Хмельницкого, за которое он воевал с польскими властями, заключалось в том, что еврей не имеет прав быть откупщиком.

В середине XVIII в. часть Украины, остававшуюся под властью Польши, охватили восстания, получившие название Гайдаматчины. Их жертвами тоже в большом числе становились евреи. Особенно знаменита резня в Умани в 1768 г. Еврейский историк Дубнов пишет о ней:

«Поляки и евреи дружно работали на городской стене, стреляя в осаждавших из пушек и ружей; но отстоять город не удалось. Когда гайдамаки ворвались в город, они прежде всего бросились на евреев... Масса евреев, числом до трех тысяч человек, заперлась в большой синагоге. Гайдамаки приставили к дверям пушку, двери были взорваны, разбойники проникли в синагогу и превратили ее в бойню. Покончив с евреями, гайдамаки принялись за поляков...»

По данным «Краткой еврейской энциклопедии», в Умани было убито около 20 000 человек, по большей части – евреев.

Другой формой преследований, с которой евреям приходилось сталкиваться, было их изгнание из определенных государств или отдельных городов. Вот очень неполный список таких изгнаний.

Еще в античности из Рима: при Тиберии, Клавдии.

В VI в. из Франкского королевства королем Дагобертом.

В 1119 г. из Сент-Эдмонда (Англия).

В 1182 г. из королевских владений во Франции.

В 1239 г. из Бретани.

В 1234 г. из Ньюкастла.

В 1236 г. из Саутгемптона.

В 1249 г. из Франции.

В 1290 г. из Англии при Эдуарде I (указ был отменен только Кромвелем в XVII в.).

В 1306 г. из Франции при Филиппе Красивом.

В 1348 г. из Берлина.

В 1426 г. из Кёльна.

В 1430 г. из Саксонии.

В 1450 г. из Баварии.

В 1475 г. из Бамберга.

В 1499 г. из Ульма и из Нюрнберга.

В 1501 г. из Франции при Людовике XII.

В 1267 г. из Моравии.

В 1454 г. из Брно.

Из Франкфурга-на-Майне в 1241, 1349, 1618 гг.

В 1439–1440 гг. из Аугсбурга.

В 1438 г. из Страсбурга.

В 1458 г. из Эрфурга.

В 1519 г. из Регенсбурга.

В 1455 и 1670 гг. из Вены.

В конце XV в. из наследственных владений Габсбургов.

В начале XVI в. из Пруссии.

В 1492 г. из Испании и Сицилии.

В 1496 г. из Португалии.

В 1498 г. из Наварры.

В 1510 г. из Неаполя.

В 1550 г. из Генуи.

Многokrатно из Венеции, например, в 1550 г.

В 1629 г. из Аахена.

«Еврейская Энциклопедия» приводит такие цифры: из Англии в XIII в. было изгнано 16 000 евреев, из Франции в XIV в. – 100 000, из Испании в XV в. – 200 000.

Неверно было бы заключить из этих фактов, что евреи были предметом ненависти всего средневекового общества. Как еврейские, так и христианские хронисты утверждают, что гонителями почти всегда был народ, «грубая чернь» и низшее духовенство – иногда еще и мелкие феодалы. Но папы, императоры, короли, епископы и крупные феодалы неизменно пытались защитить евреев от гонений. Изгнания часто происходили под влиянием народных волнений, с которыми власти не могли справиться.

Еще в V в. император Феодосий издал эдикт, запрещающий разрушение синагог, и пытался даже заставить отстроить разрушенную синагогу. Правда, безуспешно: духовенство высказалось за то, что строительство синагоги для христиан невозможно по религиозным соображениям.

Еврейский историк еврейства Рот пишет:

«Вплоть до современности самая грубая клевета против евреев встречала опровержение со стороны папства (или даже запрещалась). Под эгидой Пап община Рима оказалась единственной в Европе, просуществовавшей с классического периода до наших дней».

Действительно, еще Григорий Великий (590–604) требовал, чтобы евреям были гарантированы их законные права. Эта точка зрения была принята Католической церковью. Начиная с Каллиста II (1119–1124) и до XVI в. тянется серия папских булл, грозящих христианам отлучением за насильственное обращение евреев в христианство, насилие, ограбление, помехи богослужению. Булла папы Григория X в 1272 г., например, подтверждает, что свидетельство христианина против еврея не имеет силы, если оно не подтверждено показанием еврейского свидетеля... Начиная с буллы Иннокентия IV в 1247 г. до буллы Климента XIII в 1763 г., папы запрещают возводить на евреев обвинения в ритуальных убийствах, грозя послушникам отлучением. Возводящие ложные обвинения сами должны рассматриваться как убийцы.

Во время гонений, связанных с I Крестовым походом, епископы Кельна и Шпейера сумели спасти многих евреев. Епископ Шпейера казнил нескольких христиан, участвовавших в убийствах. Против преследований евреев в связи со II Крестовым походом в Германии выступил Бернар Клервосский. Во время восстания «пастушков» евреи находили убежище в папских владениях в Авиньоне. Папа отлучил участников восстания от церкви. В 1308 г. герцог Брабантский, защищая евреев, разогнал толпу «пастушков» и многих убил. Папа одобрил его действия.

«Краткая еврейская энциклопедия» пишет:

«В странах средневековой Европы (...) евреи находились б.ч. под прямым покровительством монарха и часто освобождались от юрисдикции местных властей».

Во многих странах евреи обладали самоуправлением, собственным судом, имевшим право налагать любые наказания. Таково было положение, например, в мавританской Испании. В Португалии с XIV в. существовал единый глава общины для всего государства. Аналогично было положение евреев во Франции, Италии, Германии, Польше, Литве. В Англии, согласно

указу короля Генриха I (XII в.), евреи должны были находиться во всем государстве под защитой и покровительством короля. Должны быть судимы своими единоверцами и присягать на Пятикнижии. Его сын, Генрих II, издал так называемую «Иудейскую Хартию» (Харта Иудеум). Согласно этим законам, например, в тяжбе между иудеем и христианином необходимы были показания двух свидетелей: одного иудея и одного христианина. Во Франции, наследник Карла Великого, Людовик Благочестивый, учредил для защиты евреев особую должность «Магистер юдеорум». Эдиктом короля было запрещено крестить рабов, принадлежавших евреям.

В XIII веке король Польши Болеслав издал регламент, регулирующий положение евреев. На очень близких принципах основывается хартия, данная Австрийским герцогом в 1244 г., законы в Богемии, Силезии и Литве. Согласно этим положениям христианин не мог обвинять еврея в суде, если не выставит еврейского свидетеля. Евреи находились не в юрисдикции местных судей, а подчинялись только королевскому или герцогскому суду. Между собой они судились в синагоге. Христианин, убивший еврея, наказывался смертью с конфискацией всего имущества. Если христианин подымет руку на еврея, то ему отрубят руку. Христианин, не поспешивший на помощь еврею, на которого напали, наказывался штрафом. Евреям гарантировалась беспопытная торговля. Их ростовщические операции допускали до 173 % роста. Запрещались любые нарушения религиозной деятельности евреев. За оскорбление еврейского богослужения налагался штраф, за осквернение кладбища – смертная казнь. Обвинение в убийстве евреем христианского ребенка допускалось лишь при наличии трех христианских и трех еврейских свидетелей. Если суд признавал еврея невиновным, то обвинитель подлежал тому же наказанию, которому подвергся бы виновный еврей. Король Сигизмунд II объявил в 1551 г., что всякий еврей, не считающийся с «приговором и запретом, наложенным на него раввином, судьей или прочими еврейскими старейшинами... будет обезглавлен».

В 1616 г., после того как толпа разгромила гетто во Франкфурте-на-Майне, властью императора вожак возмущения Феттмилх и еще шесть зачинщиков были казнены. Император добился наложения пени в 175 919 флоринов на христианское население города. Гетто было поставлено под непосредственную охрану императора, в знак чего на воротах был выставлен щит с гербом императора. И в других имперских городах изгнание евреев обычно вскоре отменялось императорским указом.

Периоды преследований вообще чередовались с периодами, когда евреи, защищенные властями, занимали высокое положение в обществе и оказывали большое влияние на его жизнь. Основа этого влияния всегда была одна и та же: наличие капитала. Как говорит Рот, в XI–XII вв. евреи были почти единственными владельцами капитала. Чаще всего источником еврейских капиталов называют ростовщичество. Л. Н. Гумилев, ссылаясь на работу И. Шипера, указывает на другой источник – работоторговлю. Это утверждение поддерживается и в более поздних исследованиях, например, в книге Х. Тревор-Ропера, где говорится, что долгое время евреи были основными поставщиками рабов из средневековой Европы в исламский мир. Две основные формы деятельности тогдашнего государства: война и строительство, почти целиком зависели от них. Так, I Крестовый поход в значительной степени стал возможным благодаря их поддержке. Аарон из Линкольна – крупнейший англо-еврейский финансист XII в. – финансировал строительство девяти цистерцианских монастырей и большого аббатства в Сент-Альбансе. Во времена Ричарда I современники сравнивали дворцы евреев в Лондоне по богатству с королевскими.

Имеются сообщения современников, что во Франции в XII в., при Филиппе-Августе, евреи были столь богаты, что им принадлежало более половины Парижа. Периодом расцвета еврейских общин во Франции было царствование Людовика Благочестивого. Они были освобождены от пошлин, им было разрешено иметь рабов-христиан. Евреи монополизировали торговлю вином и мясом, из-за них рыночные дни перенесли с субботы на воскресенье. В Тулузе в XIII в. евреи в правовом отношении были приравнены к христианам. В XIV в. во Франции

им было разрешено принимать любой залог под ссуду, кроме земельных участков. Судить их могли только королевские судьи. В суде их клятва принималась как доказательство. Карл VI запретил на десять лет принимать жалобы на злоупотребления еврейских ростовщиков. При его правлении во Франции евреям был разрешен арест должников, телесные наказания их и продажа всего имущества. Старый закон воспрещал христианину продаваться в рабство еврею в качестве залога. Карл VI отменил его и только под влиянием сильного народного возмущения должен был восстановить.

С другой стороны, жалобы на всевластие еврейских ростовщиков переполняют средневековые хроники. Сообщается о колоссальных процентах, которые брали ростовщики (и это еще официально) – 80, 100, 170 процентов годовых. Во время II Крестового похода Петр из Клуни писал: «...не простым земледельческим трудом, не честным и полезным занятием наполняют евреи свои амбары – плодами, погреба – винами, кошельки – монетой, сундуки – золотом и серебром... закон разрешает им не возвращать приобретенную или похищенную церковную утварь. Что христианину стоило бы жизни, служит еврею к обогащению». Во Франции жалуются, что недавно прибывшие в Париж евреи владеют половиной города. Крестьянин часто, говорится, должен отдать весь урожай как процент за заем. Немецкий хронист объясняет многочисленные привилегии евреев тем, что дворянство находится в долгу у них. Статья из Еврейской энциклопедии цитирует такой отрывок:

«Разве бедным христианам не приходится делать для проклятых евреев почти все, что они потребуют? И это по той лишь причине, что они так задолжали евреям с обременительными ростовщическими процентами и процентами на проценты, что часто ничего или очень немного из своего имущества могут назвать своим».

Возражая, его современник пишет:

«Как могли бы евреи причинить столько несчастий и вреда ростовщицеством и другими финансовыми операциями, если бы христиане не содействовали им, если бы вследствие лени, неумеренной роскоши и расточительности христиане не нуждались в них?»

В «Хронике деяний Филипп Августа» (XII в.) говорится что многие попали в такую зависимость к евреям, что вынуждены были расстаться со всем своим имуществом, а некоторых они держат в качестве должников в тюрьме.

Часто в руках евреев оказывался сбор налогов. В Испании это стало общим правилом – причем как в ее мавританской, так и в христианской части. Так, казначеем короля Альфонсо X (1221–1284) был дон Меир. В Кастилии дон Фернандо назначил в 1300 году начальником сбора всех налогов дон Самуэля. Такой же пост в Севилье занимал Иуда Абарбанель. Альфонсо XI учредил в 1332 г. систему управления финансами, находившуюся целиком в руках евреев. В 1348 г. им была поручена и чеканка монеты. Его наследник Педро I Жестокий отдал пост казначея дону Самуэлю Ха-Леви: он собирал налоги, опираясь на сеть своих замков, разбросанных по всей стране.

Судьба евреев в Испании вообще может служить моделью их жизни в средневековой Европе. Еврейские колонии появились в Испании еще во времена Римской империи. В Вестготском королевстве жизнь евреев регламентировалась все более жестокими законами (VI в.). Фактически они имели целью уничтожение евреев как религиозной общины. Например, еврей, не принявший христианства со своей семьей в течение года, присуждался к 100 ударам плетью и сдиранию кожи с головы. Неудивительно, что хроники сообщают о «заговорах иудеев». Во всяком случае, когда началось арабское завоевание Испании (VIII в.), то оно опиралось на поддержку еврейской части населения. Как говорится в статье «Еврейской энциклопедии», «надвигавшимся арабам приходилось искать опору, и они ее находили в лице евреев». В захва-

ченных городах арабы оставляли еврейские гарнизоны. Такой гарнизон стоял и в столице (Толедо). Основная часть евреев сконцентрировалась в завоеванной арабами части Испании. Сначала жизнь здесь была им благоприятна. Они часто занимали высокие должности при халифах: например, Хасдай ибн-Шапут и Самуил Галеви. К этой эпохе относится жизнь известнейшего еврейского поэта Иегуды Галеви и толкователя Талмуда Маймонида. Но и здесь начались еврейские гонения, а в результате большое число евреев переселилось в христианские государства Испании. Здесь они сначала пользовались покровительством католических королей, во многих отношениях были приравнены к дворянам, имели судебную автономию до конца XIV в.

В еврейской литературе того времени говорится с гордостью, что самые влиятельные люди в государстве: Иосиф д'Эсия, Самуэль Абен-Хуакар, Самуэль-Бениас, Мозес Абудиа, Самуэль Леви – происходят из дома Давидова, что дом Давида занял в Испании место выше, чем когда-либо в изгнании. Про главу налогового ведомства Иосифа, сына Эфраима, писалось, что он первый среди евреев и второй в королевстве. Его свиту (как и свиту других влиятельных евреев) составляла кастильская знать. При Генрихе II и Иоанне I финансами управлял Иосиф Писоне, при Яго I – Иегуда де Каваллерия, при Педро II – Иосиф и Моссе Равайя и т. д.

В конце XIV в. эта атмосфера покровительства постепенно стала заменяться разного рода ограничениями. Начались и погромы. Началом была резня в Севилье 1391 г. Народ, возбужденный монахом, ворвался в еврейский квартал, предлагая на выбор: крещение или смерть. Подобные преследования прокатились по всей Испании, несмотря на защиту, оказанную евреям знатью. Тогда среди еврейства все шире стало распространяться крещение и одновременно появился слой принявших христианство, но тайно исповедующих иудаизм – марранов. «Обращенные» (конвертитос) быстро заняли высокое положение в обществе. Испанский историк Амадор де Лос Риос пишет, что благодаря бракам они быстро проникли в «высшую курию, как и в частные покои, королевские актовые залы и канцелярии, государственные органы, верхи управления финансовыми делами». Например, Шломо Ха-Леви, приняв при крещении имя Пабло де Санта Мария, стал великим канцлером, потом папа сделал его легатом для всего полуострова. Под конец жизни он стал епископом Бургоса. Его брат стал прокурором Бургоса, другой брат был душеприказчиком короля Генриха III, еще один брат – членом королевского совета, старший сын представлял королевство Арагонии на Констанцском соборе. Уже в XV в. множество дворянских семей, вплоть до высшей знати, имели в своих жилах еврейскую кровь.

Но и сохранившие свою религию евреи играли значительную роль. Так, в конце XV в. королевскими финансами управляли Абарбанель и Абрахам Сениор – оба исповедовавшие иудаизм. Слияние высшей испанской знати и верхов еврейской общины зашло так далеко, что когда в 1492 г. евреи были изгнаны из Испании, во главе изгнанных находился племянник короля.

Высшая точка еврейского влияния приходится на царствование Педро I Жестокого (XIV в.), его двор называли «еврейским двором». Но постепенно еврейское влияние стало перемежаться периодами антиеврейских мер, а потом и кровавых гонений, как Севильская резня 1391 г. Все кончилось изгнанием евреев, исповедовавших иудаизм, из Испании в 1492 г. и созданием инквизиции (в 1480 г.), направленной в основном против марранов.

Другим типичным примером является Польша. Евреи стали там селиться в небольших количествах еще с X или XI в. О более позднем периоде еврейский историк Дубнов пишет:

«XVI столетие считается “золотым веком”, или временем процветания евреев в Польше. После того, как Испания потеряла свое главенство в еврейском мире, Польша приобрела это главенство».

Поселения евреев в Польше приобрели заметные размеры при Казимире Великом в XIV в. При нем евреи приобрели ряд привилегий. Местный судья мог разбирать дела евреев только в присутствии раввинов и старост общин. Евреи приобрели право владеть землею и брать в аренду имения дворян. Благоприятное положение евреев при Казимире Великом связывают с влиянием его любовницы Эстерки. Однако она была убита во время гонения на евреев, возникшего при его наследнике Людовике. Крепкая государственная власть, сложившаяся при Казимире, все более расшатывалась в течение следующих двух веков. К XVI в., о котором Дубнов говорит как о «золотом», Польша была уже дворянской республикой с выборным королем, имеющим лишь номинальную власть. Как говорит Дубнов, «польские короли покровительствовали евреям». Более подробно:

«Евреи составляли в Польше особое сословие, управлявшееся во внутренней жизни своими выборными представителями, светскими и духовными. Делами еврейских общин заведовали кагалы, то есть общинные советы».

Существовало единое еврейское управление, «Совет четырех стран», в частности собиравшее все налоги с евреев.

К XVI в. в Польше относится развитие талмудической традиции Моисеем Пссерлисом и Соломоном Лурье.

Ослабление королевской власти и усиление власти шляхты привело к закрепощению крестьян, раньше бывших свободными.

Как говорит Шахак, «крепостное право было неотличимо от рабства в чистом виде... Но хуже всего положение было в восточных землях Польши (Белоруссия и Украина), населенных и возделываемых недавно закрепощенными крестьянами».

Шахак подробно говорит об экономическом положении евреев:

«Во всей Речи Посполитой дворяне использовали евреев, чтобы подорвать роль и влияние, и до того весьма относительное, королевских городов. (...) По большей части аристократы ставили в городах своих еврейских посредников, тем искусственно создавая конфликты.

Но хуже всего положение было в восточных областях Польши (...). На этой громадной территории почти не было королевских городов. Города основывались землевладельцами и были населены почти исключительно евреями. Вне городов большинство евреев, конечно, и во всей Польше, но особенно на Востоке, использовалось как непосредственные властители и угнетатели закрепощенных крестьян: они были арендаторами (распорядителями имений, наделенными полнотой власти). Короче говоря, во всей Польше при власти помещиков (и феодальной Церкви, пополнявшейся исключительно дворянами) евреи были одновременно и непосредственными эксплуататорами крестьян, и почти единственными горожанами.

... крестьяне подвергались особенно тяжелому угнетению под двойной властью землевладельцев и евреев; и можно предполагать, что последние полностью пользовались религиозными еврейскими законами об отношении к язычникам. Как мы увидим в следующей главе, применение этих законов отменяется или смягчается, если можно думать, что оно вызовет опасную вражду к евреям».

К числу привилегий, которыми в это время пользовались евреи, можно отнести также то, что в случае крещения они приобретали дворянство, часто высокого ранга. Все кончилось, однако, кровавыми восстаниями времен Хмельницкого и Гайдаматчины.

В обоих случаях – Испании и Польши – периоды процветания и влияния заканчивались особенно жестокими гонениями.

Почему или хотя бы как это происходило? Можно надеяться приблизиться к ответу на этот вопрос, рассмотрев обвинения, которые выдвигались против евреев в Средние века. Для нас одни из них звучат рационально, другие – совершенно фантастично, но для современников все они, по-видимому, были одинаково весомыми.

Типичными для средневекового духа были высказывания Лютера о евреях. Встречая иногда цитаты из его произведения «О евреях и их обманах», я долго считал их искажениями в злобном антиеврейском духе (такой ненавистью они дышат), пока, наконец, не прочел всю работу в собрании сочинений Лютера. Там есть, например, «Семь верных советов» немецким князьям, где Лютер предлагает разрушить все синагоги и залить развалины смолой, сжечь «еврейские книги», заставить евреев заниматься только физическим трудом и прибавляет, что советует он это лишь по своему христианскому милосердию, ибо можно было бы полностью изгнать их из Германии, «как в XV в. их изгнали из Испании, в XIV в. – из Франции и в XIII в. – из Англии».

Конкретнее, прежде всего, мы встречаем обвинения в ограблении населения при помощи ростовщичества под колоссальный процент. Надо иметь в виду, что в Средние века католическая церковь запрещала христианам ростовщичество под угрозой отлучения от причастия для мирян и лишения сана для священников, так что евреи были единственными, кто мог законно давать деньги в долг под процент. И что еще важнее, эти деньги у них были. Примеры обвинений в громадных ростовщических процентах мы приводили выше.

Обвиняли евреев и в продаже христиан в рабство маврам. В VII в. хронист Луитпранд, епископ Агобард, синод в Шалоне на Марне 630 г. утверждают, что евреи оскоряют христианских детей и продают их сарацинам. Из новейших историков об этой стороне хозяйственной деятельности евреев говорит Тревор-Ропер.

Далее следуют обвинения в помощи врагам государства. Рот и сам говорит, что ввиду гонений, которым евреи подвергались в визиготском государстве в Испании, вряд ли надо удивляться, что они горячо симпатизировали арабскому вторжению, если только прямо не призвали арабов. Испанские хронисты утверждают последнее. Завоевая Испанию, мавры оставляли в городах еврейские гарнизоны. Евреев обвиняли в том, что в 965 г. они впустили мавров в Толедо и участвовали вместе с ними в избиении христиан, или в том, что они предали Бордо северным пиратам.

Наряду с этими обвинениями, которые можно характеризовать как рациональные (оставляя в стороне вопрос об их справедливости), большую роль играли и совершенно фантастические: прежде всего, в заговоре с целью истребления христиан и для этого отравлении колодцев в годы «черной смерти». Но чаще всего повторялись два обвинения: похищение христианских младенцев и их *ритуальное* убийство и похищение Святых Даров с целью их осквернения, которые тоже кажутся совершенно неправдоподобными, когда адресуются к целому народу. По этим обвинениям было проведено несколько судебных процессов, но еще гораздо больше произошло самосудов, народных возмущений, кончавшихся убийством множества евреев.

Одно из ранних обвинений в ритуальном убийстве (чаще всего утверждалось, что оно происходило на Страстную пятницу и было пародией на распятие Христа) касается убийства св. Вильяма из Норвича в Англии в 1144 г. Аналогичное обвинение возникает в 1171 г. в Блуа. Гуго из Линкольна в Англии, якобы распятый евреями в 1255 г., стал даже героем народных баллад. Другие примеры: обвинение в убийствах ребенка в Берне в 1249 г. и тогда же в Диссенгофене на Рейне, а также в других городах Швейцарии – Шафхаузене, Винтертуре. В Испании в 1450 г. Эммануил, сын врача Соломона, желая креститься, описал епископу в подробностях, как присутствовал при ритуальном убийстве. Льоренте в «Истории инквизиции» приводит четыре случая, когда суд инквизиции признал факт ритуального убийства. В

Триесте в 1474 г. суд рассматривал дело о ритуальном убийстве ребенка. В Германии XV в. такие обвинения возникали неоднократно.

Обвинения в осквернении Святых Даров начинают встречаться с XIV в. Связанные с ними преследования евреев имели место, например, в Пассау в 1478 г., в Бремене в XV в., в Каринтии в 1421 г. и т. д.

Подавляющее число современных историков считает эти обвинения полностью вымышленными. В пользу такого суждения говорит, во всяком случае, то, что признания на процессах обычно давались под пытками столь чудовищными, что очень немногие люди были бы способны их выдержать. Но, например, современный историк Эузебио Колометц указывает на «некоторые темные кощунственные действия» как на одну из причин, приведших к тому, что в XV в. отношения между евреями и христианами в Испании были на грани гражданской войны. В книге Саббатини «Торквемада и Инквизиция» приводится реферат опубликованных в 1877 г. работ испанского историка Фиделя Фита по документам инквизиции о ритуальном убийстве в 1491 г. в Испании. Автор считает, что доказательства, бывшие в руках инквизиции, были получены без помощи пыток: посредством «подсадных уток» и перекрестных допросов. Показания обвиняемых, допрошенных в разных городах, сходятся в деталях. Трудно объяснить, почему все эти истории следует относить исключительно на счет религиозного фанатизма католиков. Фанатизм был с обеих сторон, и он мог приводить к самым крайним эксцессам. Почему следует считать, что религиозный фанатизм может быть распространен только среди христиан? В других случаях это допускается. Например, слухи о ритуальных убийствах в секте хлыстов воспроизводились в художественной литературе (Мережковский) и не вызывали обвинения автора в фанатизме.

Но для наших целей совершенно несущественно, были ли подобные обвинения хоть в некоторых случаях оправданными. Нам важно себе представить при помощи них, каков был образ еврейства в глазах окружающего населения. И здесь, как и в античности, все эти пестрые обвинения можно свести к одному: еврейство воспринималось как чужеродное, враждебное и опасное тело внутри средневекового общества. Такое утверждение имеет под собой веские основания. Можно себе представить, что восприятие окружающей жизни средневековым еврейством в значительной степени характеризовалось теми же чертами: как чуждого и враждебного мира. Евреи жили в отдельных кварталах, так называемых гетто, юденгассе или иудериях. Распространено представление, что они были загнаны туда насильно. Мы уже приводили в предшествующем параграфе противоположное мнение Макса Вебера, того же взгляда придерживается большинство историков, в том числе еврейских. Например, в Испании в XIII в. король Фердинанд предоставил евреям в Севилье для жительства три прихода. Тогда это была привилегия, которой добивались. Как правило, евреи концентрировались в гетто, чтобы контакты с окружающим миром не нарушали особого характера их жизни, не помешали выполнению сложной системы запретов и обрядов. Один из вождей еврейского национализма, президент Всемирной Сионистской Организации Нахум Гольдман, говорит:

«Гетто исторически было еврейским изобретением...

И до сих пор евреи имеют тенденцию селиться в своих кварталах, в окружении, которое облегчает жизнь в общине».

Еврейские кварталы образовывались, например, благодаря тому, что евреи селились вокруг синагоги. Но позже встречаются и предписания властей селиться евреям лишь в уже возникших кварталах.

Вся жизнь евреев была подчинена сложной системе религиозных запретов и правил. Громадное число предметов и действий считались «трефными», т. е. нечистыми, греховными. Внешний мир таил рассеянные всюду опасности заражения «трефным», а жизнь в гетто помогала их избежать. Запреты были столь многочисленны и сложны, что часто приходилось обра-

щаться к знатокам Талмуда, чтобы выбрать правильную, безопасную линию поведения. Вот один из примеров. От Средневековья сохранилась еврейская литература «Респонза», составленная из ответов особенно знаменитых раввинов на запросы верующих. Там большое место уделяется вопросам такого рода: работники-христиане перевозили для хозяина-еврея бочку с вином; когда ее грузили на воз, немного вина выплеснулось на руки перевозчика, и несколько капель стекло обратно в бочку. Стало ли вино «запретным»? Раввин указывает считать его запретным. Еврей не только не имел право пить «запретное» вино, но в некоторых случаях и иметь от него доход, т. е. продавать. В той же литературе подчеркивается запрет еврею вступать в деловое партнерство с неевреем. Позже, в XX веке, когда еврейские авторы более открыто высказывали свое отношение к этому миру язычников, появился ряд свидетельств о том отталкивании и даже ненависти, которую он вызывал (позже мы некоторые из них приведем). Трудно себе представить, чтобы жизнь в Средние века побуждала к большей терпимости. Идеологический аспект жизни европейского еврейства в Средние века мы подробнее обсудим в следующей главе.

Как и неоднократно в истории еврейства, перед нами сложный процесс, в котором невозможно обнаружить «зачинщиков», разделить их на «правых» и «виноватых» или, как сейчас формулируют, описать при помощи схемы «виновник – жертва». Но его можно представить себе конкретнее.

Литература:

- Marcus J. R.* The Jew in the medieval world. 1975.
Roth C. The Jews in the middle ages. (Cambridge Medieval History, v.VII).
Depping G. B. Die Juden im Mittelalter. Hildesheim. 1974.
Abrahams Israel. Jewish Life in the Middle Age. N.J., 1897.
Wilpert Paul (Hrsg). Judentum im Mittelalter. Berlin. 1966.
Irving A. Agus. Urban Zivilisation in pre-crusade Europe, vv. I, II. N.J., 1965.
Sabatini Raphael. Torquemada and the Spanish Inquisition. London. 1928.
Goldmann N. Le paradox juif. Paris 1976.
Dozy R. Histoire de musulmans d'Europe. Leyde. 1891 t. I–III.
Cazo Georg. Sozial – und Wirtschaftsgeschichte der Juden im Mittelalter und der Neuen Zeit. Bd I. Frankfurt/M. 1924.
Wirth Louis. The Ghetto. Chicago. 1946.
Amador de los Rios. Historia social, politica, religiosa de las Judaios de Espana y Portugal. Madrid. 1960.
Conn Norman. The Pursuit of the Millenium. N.J. 1970.
Гумилев Л. Н. Русь и великая степь. М., 1989.
Шиннер И. Возникновение капитализма у евреев Западной Европы. Спб., 1910.
Trevor-Roper H. The Rise of Christian Europe. London, 1965. Shahakl. Цит. в гл. 1.
Льоренте X.-А. Критическая история испанской инквизиции. Т. 1, 2. М., 1936.
Дубнов С. М. Краткая история евреев. М., 1996 (перепечатка издания 1912 г.).
Goldman N. La paradox juif. Paris. 1976
«Еврейская Энциклопедия». Спб., 1911. Т. I, статьи «Автономия» и «Аго-бард». Т. II, статьи «Англия» и «Антисемитизм». Т. III, «Ассимиляция». Т. VI, «Германия». Т. VIII, «Испания». Т. XI «Население». Т. XV «Украина».
«Краткая еврейская энциклопедия». Иерусалим, 1976. Т. I, статья «Автономия»; Т. II, статья «Гайдамаки».

Глава 4

Классический иудаизм

В Средние века внутри еврейства выработалась система взглядов, регламентирующая как отношения с нееврейским миром, так и поведение евреев в частной жизни и в еврейской общине. Она может помочь конкретнее представить себе взаимоотношения между еврейской и нееврейской частью средневекового общества. В этих принципах невозможно отделить высказывания религиозного характера и конкретные правила поведения. Большая их часть содержится в Талмуде и комментариях к нему. Шахак пишет, что если в вопросах веры имеется широкий простор для интерпретаций, то предписания, касающиеся конкретных действий, жестко зафиксированы в Талмуде. При этом, классическая (и современная ортодоксальная) точка зрения заключается в том, что если возникает расхождение с Торой, то приоритет имеет талмудический текст. Согласно еврейскому преданию, Моисей сообщил евреям на горе Синай, кроме Торы – Закона, записанного по велению Бога, еще некоторые разъяснения и дополнения, которые должны были передавать изустно. После разрушения Храма, когда исчез центр религиозной жизни еврейства, раввины приступили к записи этой устной традиции (со II по VI в. после Р.Х.). Эти записи и составили Талмуд. Ввиду его обширности и несистематичности несколько раз делались попытки создать более компактные своды. Таковыми являются: Кодекс Маймонида – XII в., Кодекс Якова Ашера – XIII в. и Кодекс Иосифа Каро под названием «Шулхан Арух» – XVI в. По-видимому, мировоззрение ортодоксального еврейства в большей мере определяется Талмудом, чем Библией, хотя бы потому, что Талмуд предписывает понимать Библию только так, какой ее толкует. Для нового же времени такую роль играет «Шулхан Арух». Как говорит Гретц, «Каро (автор “Шулхан Аруха”) дал иудаизму тот образ, который он прочно сохранил до наших дней».

Многими авторами и много раз приводились выдержки из Талмуда и «Шулхан Аруха», фанатически враждебные по отношению к неевреям («гоям» или «акумам»). Вот несколько примеров. «Говорится, вы – овцы Мои, овцы паствы Моей, вы – человеки; вас называют человеками; акумы же таковыми не являются». «Деньги акумов суть как добро никому не принадлежащее, и каждый, кто пришел первым, завладевает им». «Сожительство с акумами – то же что сожительство со скотом». «Все народы, кроме евреев, произошли от нечистого духа и должны называться скотами». «Солнце освещает, дождь оплодотворяет землю только ради иудеев». «Иудею разрешается совершать беззаконие по отношению к гою, так как написано: ты не должен творить беззакония по отношению к ближнему твоему, и гой не подразумевается». «Запрещается иудеям освобождать акумов от какой-либо опасности, которой подвергается их жизнь, ибо спасти акума – значит увеличить число им подобных». «Откуда ненависть иудеев ко всем прочим народам? Она произошла с горы Синай» (игра слов: одно из значений слова Синай – ненависть; ненависть вместе с Законом дана на горе Синай).

Ряд авторов, настроенных апологетически по отношению к иудаизму, отрицали подлинность этих цитат. Самостоятельная проверка здесь для большинства из нас невозможна: надо было бы иметь доступ к экземпляру Талмуда или «Шулхан Аруха» и владеть языком, на котором они написаны. В крайнем случае, надо иметь в руках перевод, в добросовестности которого имеется уверенность. Шахак подтверждает многократно высказывавшиеся слухи, что Талмуд содержит также ряд чрезвычайно оскорбительных высказываний в адрес Христа, христиан и вообще иноверцев. В частности, предписание уничтожить по возможности все экземпляры Евангелия. В Средние века в связи с этим не раз провозглашались требования уничтожить все экземпляры Талмуда. Тогда, говорит Шахак, подобные места стали из талмудической литературы изыматься, начиная с изданий XVI в. и слова «язычник», «нееврей», «гой» стали заме-

няться чем-нибудь вроде «самаритянин», «египтянин» или даже «индус». Но одновременно распространялись списки подобных «изъятий». Теперь, как пишет Шахак, эти высказывания восстановлены в издающейся на древнееврейском литературе в Израиле. Но он приводит ряд примеров, когда английский перевод смягчает или полностью искажает такой текст.

С другой стороны, ряд авторов, симпатизирующих евреям, утверждают, что все цитаты подобного типа из талмудической литературы – подделки антисемитов. Наиболее известный из высказывавшихся в критическом духе – В. Соловьев. Он посвятил этому вопросу отдельную статью: «Талмуд и новейшая полемическая литература о нем в Австрии и Германии». Его аргументы естественно разобрать в первую очередь. Подробнее всего в статье Соловьева разбирается книга Юстуса «Зерцало еврейства». В ней приводится около ста цитат из Талмуда и «Шулхан Аруха», характеризующих, по мнению Юстуса, враждебное отношение составителей этих книг к неевреям. Книга была издана в Германии, и там же против автора еврейской общиной был возбужден процесс по обвинению в клевете. В качестве эксперта был привлечен гебраист д-р. Эккер, и под влиянием его показаний автор был оправдан. Потом Эккер опубликовал книгу «Зерцало еврейства в свете истины», на эту книгу Соловьев и опирается. Дело в том, что Эккер упрекает Юстуса в некорректности цитирования: например, тот соединяет две разные цитаты в одну. Однако Эккер как раз приходит к выводу, что по существу Юстус правильно передает дух положений, имеющих в Талмуде. Соловьев приводит критические замечания Эккера, но добавляет: «Все, что затем говорит критик, не мешает беспристрастному читателю составить правильное суждение по всем пунктам», – не информируя своего читателя, что же дальше говорит Эккер. Соловьев утверждает, что если устранить из книги Юстуса «все подложное, неверное и несообразное», то «останутся семь или восемь законов, которыми антисемиты могли с некоторой видимостью воспользоваться для своих целей».

Кроме того, Соловьев приводит большое число цитат из Талмуда, проникнутых гуманными и возвышенными чувствами. Но ведь критики Талмуда как раз и утверждают, что гуманные положения Талмуда в основном относятся к евреям и часто сопровождаются разъяснениями, что «ближний» или даже «человек», о котором говорится, – это только еврей, остальные же из этого высказывания «исключаются», ибо они «не люди» и т. д. Уже в Ветхом Завете формулируется подобный «двойной стандарт» – мы привели несколько примеров в гл. 2.

Именно такие цитаты из Талмуда и приводятся его критиками, что ряд мест Библии надо толковать именно таким образом. Например, заповедь (Левит 19.13. Не обижай ближнего твоего и не губительствуй. Плата наемника не должна оставаться у тебя до утра) не относится к гоим, ибо «гой не есть ближний». Утверждается, что именно таков смысл слов «делать добро» в большинстве талмудических текстов. Так, в литературе «Респонза» раннего Средневековья обсуждается обычай делать подарки беднякам, которые с этой целью обходили богатые дома в праздник Пурим. При этом иногда подарки получали и слуги-неевреи. Раввин Калоним это запрещает, говоря, что беспорядочно распределять подарки – хуже, чем вообще их не давать.

Статья Соловьева заканчивается мыслью, вложенной в уста некоего мысленного иудея: «Одно из двух: или ваша религия действительно неосуществима, она есть лишь пустая и произвольная фантазия; или же она осуществима и, значит, вы лишь по своей дурной воле не осуществляете ее; в таком случае, прежде чем звать других к себе, раскайтесь и исправьтесь сами». (Мысль для Соловьева старая – он высказывал ее еще в статье «Еврейство и христианский вопрос».) Но трудно поверить, что жизнь можно уложить в такую краткую схему. Христианство приближается тем самым к учению Льва Толстого о «непротивлении злу силою». Однако сам Соловьев, в своем произведении «Три разговора», когда, полемизируя с этим учением Л. Толстого, описывает войну с турками, совсем такой схемой не пользуется («Одно из двух...»), а с явным сочувствием описывает, как русские солдаты картечью разогнали башибузуков, громивших армянскую деревню.

Самое же, пожалуй, поразительное, что Соловьев уклоняется от главного вопроса: обсуждения подлинности тех или иных цитат из Талмуда. О нем было известно, что он владеет древнееврейским языком (даже умирая прочел молитву на древнееврейском), и он вполне мог высказать по этому вопросу свое мнение. Но он этого не делает, ограничиваясь обсуждением не Талмуда, а книг Юстуса и Эккера.

Мне кажется, однако, что и для человека, не владеющего древнееврейским, возможно составить довольно надежное мнение о подлинности многих цитат из Талмуда. В качестве примера приведу один источник цитат из Талмуда – старинную книгу Эйзенменгера, изданную в 1700 г. (Автор сообщает, что в течение 40 лет издание книги было под запретом в Австрийской империи благодаря давлению влиятельных еврейских финансистов. В конце концов книгу удалось издать в Пруссии.) Весь спектр приведенных выше высказываний там имеется. Книга Эйзенменгера не есть перевод Талмуда – это сборник цитат типа: «Талмуд о христианстве», «Талмуд о других народах» и т. д. Однако каждое высказывание сопровождается точной ссылкой, приводится на одной странице по-древнееврейски и на противоположной переводится по-немецки. В юдофильской литературе перевод Эйзенменгера обычно третируется как «ненаучный».

Однако автор нигде не встречал каких-либо конкретных претензий к этой книге: утверждений, что приведенный в ней отрывок в Талмуде не содержится или что приведенный его перевод не верен.

Но имеется и вполне авторитетное подтверждение цитат Эйзенменгера. Это книга Я. Каца, почетного профессора еврейского университета в Иерусалиме, «От предрассудка к уничижению. Антисемитизм, 1700–1933». Она как раз начинается с обсуждения книги Эйзенменгера. Автор признает точность цитат из Талмуда, приведенных в этой книге. При этом подбор цитат он называет тенденциозным. Последнее верно – по необходимости. Эйзенменгер был миссионером, стремился обратить евреев в христианство. Поэтому он выбрал именно цитаты, наиболее нетерпимые и фанатичные, которые должны были бы оттолкнуть читателя от иудаизма.

Другим подтверждением подлинности цитат Эйзенменгера можно считать то, что основные положения повторяются в книге Шахака, написанной с еврейско-патриотической позиции (причем автор получил религиозное образование и цитирует большое количество источников). Как считает Шахак, после крушения античного общества вплоть до 800 г. после Р.Х. нет источников, характеризующих жизнь европейского еврейства. Источники очень редки даже в X в. и дают некоторую общую картину лишь с XII в. Тогда и сложился кодекс законов, называемый Галахой, которому следовало подавляющее число еврейских общин вплоть до XIX в. Шахак называет эту систему законов «Классическим Иудаизмом». Он отмечает три основные черты европейских еврейских общин в эпоху, когда это мировоззрение сложилось. 1. Полностью исчезло еврейское земледельческое население. Соответственно, как он говорит, литература классического иудаизма исполнена, по отношению к земледелию и крестьянам, еще большей ненавистью и презрением, чем к язычникам. 2. Еврейские общины служили власти и входили в привилегированный слой населения. Он не отрицает распространенной среди евреев бедности и антиеврейских гонений. Но несмотря на это, «самый бедный еврейский ремесленник, разносчик, арендатор, приказчик жил несопоставимо лучше, чем крепостной. Особенно в европейских странах, где крепостное право сохранилось частично или полностью до XIX в.: Пруссия, Австрия (включая Венгрию), Польша и польские территории, аннексированные Россией». 3. Тотальное противостояние окружающему населению (исключая королей). Он предлагает и гонения на евреев рассматривать наравне с другими движениями низов, вызванными эксплуатацией.

Все правила Талмуда, цитированные выше, мы можем найти и в книге Шахака. И сверх того, цитаты, например, из составителя первого талмудического свода Маймонида, согласно

которым врач (иудей) не должен лечить язычника, даже за плату. Но есть и исключение (сам Маймонид был врачом султана Саладина): если отказ может вызвать враждебность язычников, но тогда можно лечить лишь за плату. Или утверждение, что если еврей имел половые сношения с женщиной, хотя бы это была девочка трех лет, то женщина должна быть убита как животное, ибо она была причиной того, что еврей совершил дурное дело; еврея же надо наказать кнутом. Утверждение, что все неевреи являются органами Сатаны. Предложения, касающиеся евреев, в которых оговаривается, что «язычники и собаки исключаются». В частности, описание обряда ежемесячного очистительного купания, после которого ортодоксальная еврейка должна прийти домой и совершить ритуальный половой акт с мужем. Но если по дороге ей встретится одно из дьявольских существ – собака, свинья, осел или язычник – она должна вернуться. Маймонид утверждает, что часть турок, северные кочевники и черные, а также «похожие на них» не являются человеческими существами, но ближе к животным. Указание, проходя мимо нееврейского кладбища, проклинать мать умерших. Особенно Шахак выделяет постоянную враждебность еврейских источников к христианству. Так, имя Христа пишется обычно с прибавлением: да исчезнет имя нечестивца. Шахак суммирует: «Правоверный иудей с первой молодости, из своих благочестивых занятий, узнавал, что язычники подобны собакам, что делать им добро – грех и т. д.» Все это поразительно совпадает с другими свидетельствами, например, крещеного еврея, ставшего священником, А. Алексеева (Шахновича) о его молодости: «Прежде, нежели еврейский юноша выйдет из училища и узнает христианина, он уже становится неисправимым врагом его». «Стоит христианину подойти к дому еврея, как дети закричат: агой! агой! – т. е. христианин, а жена еще добавит: агой ахезер, т. е. христианская свинья тебя спрашивает». «Мы не могли пройти мимо церкви христианской без отвращения и считали непременною обязанностью плевать на нее, произнося слова: да будет это место попрано, ибо оно нечисто».

Шахак характеризует средневековое еврейское общество как «одно из самых “замкнутых” и тоталитарных в человеческой истории». Оно было основано на абсолютном подчинении общины (кагала) его верхушке.

Таким образом, кажется убедительным, что положения, вроде приведенных выше, передают дух Талмуда, а вместе с тем и мировоззрение ортодоксального еврейства, как оно сложилось в Средние века. Этот дух страха, ненависти и высокомерного презрения к окружающим народам не мог не сказываться в поведении, во всей жизненной установке средневекового еврейства.

Шахак определяет эпоху господства классического иудаизма в еврейских общинах, начиная с IX в. до Французской революции, для Восточной Европы – до XIX в., а например, для Саудовской Аравии – вплоть до момента написания его книги (XX в.).

Основываясь на наблюдении Шахака, что в Восточной Европе евреи еще в XIX в. жили согласно средневековому укладу, мы можем конкретнее представить себе систему ценностей и социальное устройство средневекового еврейства. Как раз по поводу образа жизни евреев в XVIII и XIX веках в «черте оседлости» России сохранились детальные свидетельства. Прежде всего я имею в виду книгу Якова Брафмана, которая во многих отношениях согласуется, но также и дополняет и конкретизирует точки зрения Шахака. Книга привлекает очень большой фактический материал. Автор (в отличие от Шахака) – христианин (по его словам, крестился в 34 года), но в книге чувствуется теплое отношение к еврейской традиции и судьбе евреев, например, при описании еврейских национальных праздников и обычаев: чтении Пятикнижия (Алии), праздновании нового года (Рош гашана), свадьбы и т. д. Подобно Шахаку, автор видит основу, разделяющую евреев и христиан, в особом характере кагальной организации: «тоталитарное общество» (по словам Шахака) или «власть еврея над евреем» (по словам Брафмана).

Мы приведем некоторые сведения о «внутреннем замкнутом быте евреев» из книги Брафмана. Напомним, что Шахак считает, что тип жизни средневекового еврейства опре-

деляется не предписаниями Талмуда, но сложился позже написания Талмуда – не раньше VIII в. Аналогичную точку зрения высказывает Брафман. В Талмуде можно найти разноречивые предписания, а в кагальной организации они приобретают четкий и однозначный характер. Например, по важному вопросу о том, насколько обязателен для евреев закон государства, в котором они живут, Талмуд содержит разные суждения: а) «царский закон обязателен для еврея»; б) «это постановление относится исключительно к вопросам, касающимся личных выгод Государя, но решения судебных мест никоим образом не могут быть обязательными для еврея» и, в заключение, в) «раввины – это государи». В то время, как постановления кагалов обрисовывают совершенно четкий взгляд на этот вопрос.

Вот несколько примеров.

«Воспрещено (еврею) судиться в суде нееврейском и в нееврейских судебных учреждениях. Это запрещение не теряет своей силы даже при таких вопросах, по которым нееврейские законы сходны с еврейскими, и если бы даже обе стороны желали предложить свое дело суду нееврейскому. Нарушающий это запрещение есть злодей. Этот поступок признается равным хулению, поношению и наложению руки на весь закон Моисея.

(При выборах, на основании государственных законов, представителей еврейской общины в государственное судебное место, совершается их тайный выбор комиссией из 30 представителей кагала.

По совершении такого, так сказать, предварительно-неофициального выбора всем избирателям вменяется в непременную обязанность баллотировать при законном выборе в пользу тех двух кандидатов, на стороне которых оказалось большинство голосов в предварительном выборе)».

Пункты, составленные для предохранения талмудического суда от ослабления, которое вследствие наших грехов сделалось заметным. Они установлены на законном основании для того, чтобы, боже упаси, не допускать врагов наших судьями (чтобы евреи не представляли дела свои на разбирательство в суд нееврейский; в скобках – видимо комментарий Брафмана), чтобы в дугу согнуть дерзкого ослушника и заставить всякого еврея быть покорным талмудическому суду и закону.

Наконец, одно свое постановление кагал заключает словами:

«Сдеслать раскладку и учредить упомянутый сбор помимо согласия губернатора».

Постановления кагалов, приведенные в книге Брафмана, рисуют совершенно необычную форму отношения евреев к собственности окружающего населения. Этот общий принцип называется Хезкат ишуб. Он заключается в том, что собственность окружающих христиан распределяется кагалом (продается) подчиненным ему евреям.

Приводится много актов продаж (или перепродаж). Получаемое таким образом право собственности называется хазака. Иногда такой собственностью может оказаться определенный человек – это право называется меропие. Примеры санкционирования кагалом права хазаки:

«...постановлено продать раввину Михелю, с.р. Исаака, право на владение плацем и строениями христианина немца-столяра Иоанна, которые он построил на новой улице напротив домов архитектора Крамера.

По поводу тяжбы между представителями кагала и сыновьями покойного Ария относительно права на владение каменными лавками архиерея представителями кагала постановлено...

Общим решением представителей кагала продано было Исааку, с.р. Зева Вольфа, право на владение каменными лавками, находящимися на малом базаре и принадлежащими ксендзам Бонифатского ордена».

Иногда предоставление права хазаки на некоторую собственность сопровождается словами «от центра Земли до высоты небес». Как пишет Брафман:

«Нееврейские жители кагального района со всем своим имуществом являются здесь территорией, составляющей, так сказать, государственную или казенную собственность кагала, которую он по частям продает своим еврейским жителям».

Брафман видит источник такого взгляда в талмудическом принципе: имущество неевреев все равно что пустыня свободная. Он цитирует «одного из крупнейших знатоков талмудического законодательства», раввина Иосифа Клуни, полагающего, что эта территория подобна свободному озеру, в котором только тот еврей может ставить сети, который приобрел это право от кагала.

В реальности, приобретатель права хазаки, скажем, на определенный дом, получает исключительное право стараться овладеть этим домом, причем «какими бы то ни было средствами». До того, как он добьется этого, он имеет исключительное право снимать дом у его хозяина (считающегося таковым в окружающем обществе) и производить любые связанные с этим домом хозяйственные операции. Слова же «от центра Земли до высоты неба» означают, что если этот хозяин надстроит над домом еще один этаж, то право хазаки будет распространяться и на надстройку. Точно так же право меропие означает монопольное право любых экономических сделок с определенным человеком (меропие буквально означает устранение «настоящего» владельца от его имущества). Закон о меропие гласит:

«Если человек (еврей) имеет в своей эксплуатации нееврея, то в определенных местах запрещается другим евреям входить в сношения с этим субъектом и делать подкормы первому; но в других местах вольно каждому еврею иметь дело с этим субъектом: давать ему деньги в заем, подкуп и обирать его, ибо имущество нееврея все равно что гефкер (свободное), и, кто им раньше овладеет, тому оно принадлежит».

Кагал жестко и детально регламентировал жизнь возглавляемой им общины. (То, что Шахак называет «тоталитарное общество».) Это касалось и религиозных предписаний, например, соблюдения субботы. Причем Шахак сообщает, что иногда надзор брала на себя администрация соответствующего государства, например в Испании, Польше, Австрии. Так, раввин Моше Зофер из Пресбурга (теперь – Братислава, тогда – в Австрии) писал: «Если у себя в Пресбурге я узнаю, что еврейский торговец дерзнул в праздник открыть лавку, я посылаю жандарма отвести его в тюрьму». В гл. III был приведен указ польского короля XV в.

Регламентировались кагалом и право хазаки и меропие. Но также и многие детали более обыденной жизни, например, кого можно пригласить на пир. Так, согласно Брафману, по случаю обрезания кагал разрешал пригласить

«по два соседа с обеих сторон и трое живущих на противоположной стороне улицы...»

Или:

«Кто, жени сына или выдавая дочь замуж, устроит свадьбу вне нашего города, тому совершенно запрещается приглашать на пир кого бы то ни было, и всем жителям города воспрещается в подобных случаях посылать новобрачным дроше гешенке (свадебные подарки)».

Более того, под каноническим херемом (проклятие – см. ниже. – *И.Ш.*) воспрещается шамошим (синагогальным служителям) призывать на пир обрезания или свадебный по

реестру, который предварительно не будет пересмотрен эход мешамошей гакгила (одним из городских нотариусов) и не удостоверен его подписью, что список составлен по вышеизложенным правилам.

И множество предписаний, касающихся того, кого чем можно угощать, о приглашении музыкантов и т. д.

Кагал разрешал или запрещал тому или иному еврею поселаться в определенном городе. Он мог даже, в качестве наказания, воспретить определенному еврею сожительство с его женой (для этого надо было не допустить жену к ритуальному ежемесячному омовению, без сего супружеские отношения становились незаконными).

Кагал устанавливал определенные налоги (например, так называемый коробочный сбор, связанный с продажей кошерного мяса). Другие доходы происходили от продажи права хазаки или меропие. Таким образом, в руках кагала сосредотачивались крупные средства, которые шли на подкуп администрации и на помощь подчиненным кагалу евреям (о чем будет сказано ниже).

Выполнение всех предписаний кагала обеспечивалось талмудическим судом, который назывался бет-дин. В своде талмудических законов о нем говорится:

«Всякий бет-дин, даже не получивший подтверждения от властей земли Израиля, если он замечает, что народ предается распутству, имеет право приговаривать к смертной казни, подвергать денежным взысканиям и другим разным наказаниям».

Бет-дин может провозгласить виноватому херем (проклятие), «исключить его из всего Израиля», то есть обратиться к другим кагалам с призывом ежедневно объявлять публично,

«...что хлеб его есть хлеб нееврея, вино его – вино “несех” идолослужения, овощи (ему принадлежащие) осквернены, книги его считаются книгами волшебников».

Далее следуют призывы:

«Отрежьте ему цицес (нитки, привязанные к камзолу на основании изречения Пятикнижия). Оторвите ему мезузу (свиток, прибиваемый к двери); вы не должны кушать или пить с ним; не должны совершать обрезания его сына, не обучать детей его закону, не хоронить умерших из его семейства, не принимать его в братства ни в благотворительные, ни в другие; чашу, которую он опорожнит, должны выполоскать и вообще обращаться с ним как с каждым (нахри) неевреем».

Сама формула херема содержит призывы:

«Будь он проклят устами Бога великого, сильного и страшного. Да поспешит к нему несчастье Божие. Создатель, истреби и уничтожь его; Боже Создатель! Сокруши его; Боже Создатель! Покори его».

Конкретнее, перечисляется ряд мер, чтобы «согнуть в дугу» еврея, непокорного бет-дину, в частности:

«Отступник совершенно исключается из общества и братства.

Если кто-либо заключил с ослушником обручательный договор, то другая сторона освобождается от этого обязательства.

Если ослушник – ремесленник, то заказывать у него работу воспрещается под тяжким херемом».

Позволяется опубликовать в синагоге, что отступник кушал трэф (т. е. пищу, запрещенную для еврея согласно Талмуду) или нарушил пост и т. п., подтверждать это ложными свидетелями и подвергать его за это наказанию.

И само собой разумеется, что в роковой час разразится над ним его несчастье.

Для реализации подобных мер избирается так называемый «тайный преследователь», о котором говорится:

«Тайный преследователь должен утвердить торжественнейшей присягой, что он никого на свете щадить не будет, а будет поддерживать суд талмудический всевозможными средствами и мерами поданной ему инструкции».

Кроме того, тайный преследователь утверждает торжественной присягой, что он никогда и никому на свете не откроет, что он был когда-то тайным преследователем. Как сообщает «Краткая еврейская энциклопедия», сейчас сеть судов бет-дин покрывает Израиль.

Шахак пишет, что в Польше кагал мог приговорить преступника к смерти, причем особенно мучительной: запороть до смерти.

Он сам считает Николая I «антисемитом», издавшим ряд законов «против евреев». Но, пишет он, поддерживая «порядок» в своей империи, он препятствовал казням евреев по приказу раввинов – в то время как в Польше до 1795 г. это считалось «допустимым». «Официальная» еврейская история осуждает этого царя по двум пунктам, например, в конце 1830-х гг. один «святой раввин» (цадик) в местечке на Украине приговорил казнить еретика, сварив его в кипятке. Еврейский современник событий, излагая их, сообщает с недоумением и ужасом, что попытка «дать на лапу» чиновникам не достигла цели и не только исполнители, но и сам святой человек были сурово наказаны.

Все общество, как его описывает Брафман, крайне иерархично. Брафман делит его на два слоя, которые называет «патрициями» и «плебеями».

Все постановления и законы проникнуты крайним пренебрежением к «плебеям». Иерархически организованы и «патриции». Принадлежность к этому сословию и место в нем определяется, в основном, богатством. Об этом говорит, например, постановление:

«В члены асифа (общего собрания) избираются лица, участвующие в расходах города. Из среды этих членов избираются представители, старшины и прочие члены в кагальное управление».

И мы встречаем ряд постановлений о предоставлении определенного привилегированного статуса некоторому лицу, называемому «богачом», или даже за точно указанную плату кагалу. Однако существует и другой путь изменения своего места в иерархии: изучение Торы и Талмуда. Во многих ситуациях «талмуд хахам», то есть «знаток талмуда», занимает привилегированное положение.

Администрация кагала создается на основании выборов, так что Брафман оправданно говорит о «талмудической муниципальной республике». Но избирательное право очень узкое, иногда ограничено несколькими десятками человек – это видно из ряда документов. Фактически это была «патрицианская республика».

Из сводки документов Брафмана трудно установить, какова связь между разными кагалами. Во всяком случае, в некоторых документах содержатся решения о делах, касающихся целой губернии. Пожалуй, был один случай, в котором можно говорить об объединенном действии всех кагалов России. Речь идет о расследовании положения крестьян и евреев в Белоруссии, предпринятом Державиным при Павле I и Александре I (лишь незадолго до того Россия столкнулась с тем, что в числе ее подданных оказалось большое количество евреев). В связи со сделанными Державиным предложениями Гессен пишет о «чрезвычайном собрании депутатов кагалов в Минске в 1802 г.». Сам же Державин пишет, что он получил сведения, согласно

которым «все кагалы» собрали для противодействия его предложениям 1 млн. р. и даже «хотят посягнуть на его жизнь», – что опять свидетельствует о некоторой организации. Но это сторона деятельности «талмудической республики», по-видимому, неизвестна.

В заключение нужно упомянуть о том, что, хотя кагал жестко и детально контролировал жизнь общины, он и заботился о нуждах ее членов. В документах, собранных Брафманом, говорится о ссудах, которые выдавал кагал отдельным лицам; о повивальных бабках, которых он содержал; о выдаче приданого бедным невестам; о «выкупе еврейских узников» (видимо, освобождении нелегальным путем евреев, арестованных властями); о сборе подаяния для бедных в Палестине. Это действительно было тоталитарное общество (как его характеризует Шахак), причем «патерналистского типа» – разумеется, если иметь в виду только отношения между членами общин.

Основываясь на замечании Шахака, можно предположить, что книга Брафмана рисует, в общих чертах, картину жизни средневекового еврейства в эпоху господства «классического иудаизма». Гессен обвиняет книгу в том, что она враждебна еврейству. У меня не сложилось такого впечатления. Хотя Брафман и принял христианство, он явно с теплым чувством описывает многие черты еврейского быта. Но книга исполнена протестом против власти кагала (точнее, верхушки, состоящей из «патрициев»), «власти еврея над евреем». В немецком переводе Вавилонского Талмуда, принадлежащем Гольдшмидту, содержится такой рассказ:

«Один из учеников спросил Рабби Кахане: “Не слыхал ли ты, что значит “Гора Синай”? Тот ответил: “Гора, на которой совершилось чудо”. “Тогда она должна была бы называться Гора Низай”. “Скорее, гора, ставшая добрым знаком для Израиля”. “Тогда она должна была бы называться Гора Синай”. Тогда он отослал ученика к другим раввинам. Те сказали: “Что значит Гора Синай? Гора, на которой снизошла ненависть к другим народам”. Это сказал и рабби Иозе бен Ханина: “Она имеет пять имен: пустыня Цин, где были даны примеры; пустыня Кадеш, в которой Израиль был освящен; пустыня Кедемот, где ему были поведаны начала; пустыня Паран, где они расплодились; пустыня Синай, где снизошла ненависть к народам мира”. “Как же он на самом деле называется?” “Хороб”. В этом противоречит р. Абаху, ибо р. Абаху сказал, что настоящее имя – гора Синай, а Хороб она называется лишь потому, что через нее снизошло опустошение (Хорба) на народы мира”.

Цепь подобных поучений Талмуда и комментариев к нему, а также и дошедшие до нас сведения о реальной жизни еврейских общин (кагалов), намечают одну концепцию, характеризующую отношение к иноверцам и иноплеменникам. Например, утверждается, что в мире имеется 17 «народов», каждый из которых управляется особым «ангелом». Этот «ангел» является «богом» соответствующего народа, но в то же время это «дьявол» или «ангел смерти». Над всеми ими властвует главный ангел смерти – Самаэль, являющийся в то же время «богом» сынов Эдома (христиан). Христос называется «Мертвым», одежда священника – «одежда смерти» и т. д. Иными словами, евреи – единственные живые среди мира мертвых, они живут в окружении мертвецов или нечистой силы («народы мира» происходят от нечистого духа). Картина похожа на «Вий» Гоголя, где Хома Брут тоже окружен нечистой силой, пытающейся его утащить, причем строгие предписания Закона и Талмуда образуют нечто вроде волшебного круга, которым Хома Брут пытался оградить себя от рвавшейся к нему нечисти. Такое жизнеощущение не могло не вызвать в какой-то мере симметричной реакции в окружающем населении.

А ведь так часто судьба ремесленника или крестьянина оказывалась в руках еврейского ростовщика. Саббатини, например, говорит, что в Португалии до настоящего времени (XX в.) слово «еврей» применялось как обозначение жестокости: если ребенок бил собаку, родители

кричали: «не будь евреем». Те же переживания сохранились и в произведениях великих писателей: в образе Шейлока у Шекспира и «Мальтийского еврея» у Марлоу. Все это делает более понятной враждебность коренного населения по отношению к еврейским общинам, те гонения, которые описаны выше, какими бы фантастическими, с нашей точки зрения, причинами ни объясняли их в то время. Возникало какое-то чувство несовместимости еврейства и христианского общества. Взаимное их отталкивание все более обособляло два эти мира. Но в то же время им невозможно было полностью замкнуться друг для друга, так как они были связаны нерасторжимой цепью финансовых и экономических отношений. По-видимому, этот процесс взаимного отталкивания, озлобления и изоляции усиливался в течение всех Средних веков и достиг максимума как раз к тому времени, когда неожиданно евреи начали играть все большую роль в жизни европейских народов.

Литература:

Das 40 Jahr von der Juden mil Arrest bestrikt gewesen, nunmehr aber durch Autoritaet eines Hohen Reichs-Vicariats relaxirte Johann Andreae Eisenmengers Entdecktes Judenthum. Gedruckt im Jahr nach Christi Geburt 1700.

Соловьев В. С. Собрание сочинений. С.-Петербург. 1911. Т. IV. Т. VI.

Shahak I. Цит. в гл. 1.

Shahak I. Цит. в гл. 1.

Katz J. From Prejudice to destruction. Anti-semitism 1700–1933. Harvard, 1970.

Алексеев А. Беседы православного христианина из евреев с новообращенными из своей собратий. Новгород, 1875.

Брафман Яков. Книга кагала. Материалы для изучения еврейского быта. Вильна, 1869.

Гессен Ю. История еврейского народа в России. Ленинград, 1925. Т. 1

Бет-дин. «Краткая еврейская энциклопедия». Цит. в гл. 3.

Der Babylonische Talmud. Nach der ersten zensurfreien Ausg. Goldschmidt, Lazarus. Berlin, 1929.

Глава 5

Хазария

Еврейская диаспора как фактор, влияющий на другие цивилизации, возникла в античности. С тех пор она проявила себя в громадном диапазоне: в Византии, Западной Европе, исламском мире, Латинской Америке и т. д. (даже в Китае). Мы отобрали в нашем изложении те эпизоды, которые, хотя бы косвенно, оказали влияние на нашу страну. Здесь мы дадим сводку взглядов историков на один такой эпизод, который с нашей историей несомненно был связан. А вот насколько существенно – лишь затронул историю Древней Руси или был в свое время одним из ключевых ее моментов – об этом историки спорят. Речь идет о Хазарском каганате в эпоху от VII до X в. от Р.Х. Л. Н. Гумилев называет сложившуюся тогда историческую ситуацию «зигзагом истории». Действительно, она не имеет аналогов в истории, как-то выбивается из общей картины. Но ведь она может и повториться, а тогда «зигзаг» превратится в «закономерность».

Об истории Хазарии писали много. Поскольку история эта разворачивалась в пределах нынешней России, то большая часть исторических сочинений в России и создана. Если говорить об общих обзорах, то это книги М. И. Артамонова, С. А. Плетневой, Л. Н. Гумилева и работы многих других авторов. Большинство из писавших на эту тему отмечают капитальный характер труда М. И. Артамонова «История Хазар». Мы и начнем с изложения основных положений этой книги.

Хазары – народ тюркского происхождения. Хазарское государство возникло в VII в. в результате распада Восточно-Тюркского каганата. Но о хазарах источники упоминают, начиная с VI в. Территорию Хазарии составляли тогда степи от Урала до дельты Волги и далее до Кавказа, северное Причерноморье и часть Крыма. Претендовала она одно время и на Закавказье. В первую половину VIII в. Хазария воевала с арабами. Арабы покорили было хазар и принудили их царя принять ислам. Но в результате смут внутри исламского мира (замена халифата Омайядов на Аббасидов) арабы не смогли удержать господства над Хазарией. Установилось равновесие: арабы не пытались больше завоевывать хазар, а хазары – Закавказье. Это вообще была эпоха стабилизации (конец экспансии) ислама. В VIII в. столицей Хазарии стал Итиль, расположенный в дельте Волги. Население страны состояло в большей части из кочевников, в нее входила вся Причерноморская степь до Днепра. Но заметное место занимали земледельцы: жители Тамани, низовьев Кубани и Дона, берегов Азовского моря, земель между Донцом и средним Доном.

Населенные пункты Хазарии, в особенности Итиль, были удобными перевалочными базами для караванной торговли между Дальним Востоком и Ирано-Арабским миром и дальше – Европой. Начиная с VI в., в Хазарии происходила интенсивная еврейская иммиграция. Первым толчком послужило удивительное событие – охватившая Иран грандиозная революция радикального «коммунистического» характера. Это движение «маздакитов», последователей Маздака, проповедовало общность имущества и жен. Одно время поддерживал учение и царь Кавад I. Только при его наследнике Хосрое I оно было побеждено. Еврейская община Ирана (одна из влиятельнейших в мире) примкнула к маздакитам. В результате, после поражений движения, иранские иудеи подверглись преследованиям наряду с другими маздакитами. Экзарх (духовный глава) евреев в Иране Матр Зутра был казнен, а множество евреев бежало на Кавказ, в области, принадлежавшие тогда хазарам. К этой первой волне эмиграции присоединились потом и другие, вызванные преследованиями евреев в Византии, в царствование Ираклия в VII в. и Льва Исавра в VIII в., а также, вероятно, и экономическими интересами.

На грани VIII и IX вв. в Хазарии произошел переворот, в результате которого иудаизм стал «государственной религией». Но это не значит, что все население приняло эту религию. Наоборот, подавляющая часть местного населения сохранила прежние верования. Но власть перешла в руки правящего слоя, состоявшего из потомков иммигрировавших в Хазарию евреев и обращенной в иудаизм хазарской знати (а также, видимо, детей от смешанных браков). Сначала иудаизм принял бек, или царь, Обадия и его ближайшее окружение. Потом, как говорит арабский историк, «стали к нему стекаться иудеи из разных исламских стран и из Рима» (т. е. Византии).

Хазарский источник рассказывает:

«Он поправил царство и утвердил веру надлежащим образом и по правилу. Он выстроил дома собрания и дома учения и собрал мудрецов израильских, дал им серебро и золото, и они объяснили ему 24 книги Священного писания, Мишну, Талмуд и сборники праздничных молитв».

Установилась система правления, иногда называемая «двоевластием».

Номинально во главе страны стоял каган из древнего тюркютского рода Ашина (волк), исповедовавший иудаизм. Но его власть была номинальной, его лишь показывали народу раз в году. Фактически страной правил царь (бек) еврейского происхождения. Его титул передавался от отца к сыну.

Эта система власти установилась после эпохи гражданских войн, продолжавшейся несколько десятилетий. Константин Багрянородный пишет об этой эпохе:

«Когда у них произошло отделение от их власти и возгорелась междоусобная война, первая часть одержала верх и одни из них (восставших) была перебиты, другие убежали и поселились с турками (венграми) в нынешней печенежской земле».

В борьбе, по-видимому, погиб и сам Обадия, и оба его сына – Езекия и Манасия. Власть перешла к брату Обадии Ханукке.

Все более значительной частью бюджета Хазарии становились торговые пошлины. Этими капиталами оплачивалось наемное войско, на котором держалась власть. Войско состояло в основном из тюркских воинов, но возглавлялось иудейским военачальником. В случае поражения воины подлежали казни, военачальник – конфискации имущества. Именно это наемное войско и обеспечило победу в гражданской войне: «Иудейское правительство обзавелось наемной армией и стало независимым от народа». «Значительная часть хазарского населения была истреблена». Новая власть утвердилась к середине IX в.

В IX в. власть Хазарии распространялась на Восточно-Европейские степи и прилегающие северные области, занятые славянами. «Повесть временных лет» сообщает под 884 г., что хазарам платили дань поляне, северяне, вятичи, родимичи. В 1-й половине X в. хазарский вельможа Песах, согласно еврейскому источнику, разбил войско русов и начал войну против русского князя Хельги. Он принудил русов выступить против Византии. В том же документе говорится: «Тогда-то стали русы подчинены власти хазар». Артамонов считает, что «выступление против Византии» подразумевает поход Игоря на Константинополь, окончившийся неудачей. Однако, он отрицает «подчинение Руси хазарам», считая, что речь идет о союзе, обеспечивавшем тылы русов на время похода.

В этом эпизоде история Хазарии скрещивается с историей нашей страны. Здесь более радикальную позицию занимает Л. Н. Гумилев (бывший учеником Артамонова). Он считает поход Песаха началом длительного подчинения Руси хазарам. Поскольку в X в. Хазария боролась с Византией за влияние в Восточной Европе, то походы Олега и Игоря на Константинополь он объясняет как результат более общего союза викингов и еврейских общин, имевшего общеевропейский характер. С его точки зрения, походы викингов и в Западной Европе, и на

Востоке финансировались еврейскими купцами. Им же викинги сбывали захваченных рабов. Гумилев пишет:

«Тогда изолированное княжество киевских варягов стало вассалом общины хазарских иудеев, которая использовала русов и славян в войнах с христианами и мусульманами-шиитами.

Уже в начале X в. русский флот оперировал в Каспийском море против врагов хазарского царя. Очевидно, киевские князья стали поставлять хазарскому царю «дань кровью».

Например, он приводит такой аргумент: хазары в качестве монеты использовали арабские диргемы. После 900 г. диргемы появляются в кладах Русской земли. Причем это не военная добыча, так как ни о каких победах летописи не говорят.

Это плата за кровь славяно-русских богатырей, пролитую ради чужих интересов.

Переворот в отношении Руси с Хазарией произошел после убийства славянами Игоря, когда к власти пришли славяне или ослабевшие скандинавы из окружения псковитянки Ольги. Это произошло в 944 г. Такая концепция предполагает очень важную эпоху хазарского господства над Русью, предшествовавшую перевороту. Только после убийства Игоря вновь усилилось распространение христианства на Руси (это было равнозначно усилению влияния Византии). Хазарский царь Иосиф не мог ничего предпринять в ответ на этот переворот, так как ряд кризисных явлений – от Китая до Франции – нанесли тяжелый удар хазарской торговле и подорвали основу власти. В 957 г. Ольга приняла крещение в Константинополе, что означало открытый переход Руси на сторону Византии против хазар. В 964 г. Святослав начал военные действия против хазар. Возможно, союз с Византией помог нейтрализовать на это время постоянных врагов – печенегов. В то время, как хазарское войско ожидало его в степях, Святослав двинулся к Оке, русы срубили ладьи, спустились по Волге и в 965 г. взяли штурмом столицу Хазарии Итиль.

Политическое господство хазар было сломлено, но Хазария, видимо, еще долго оставалась опасным соперником Руси. Уже сын Святослава, Владимир, предпринял поход на хазар и обложил их данью, по мнению Артамонова, в 985 г. Еще в следующем поколении сын Владимира Ярослав Мудрый в 1-й половине XI в. воевал со своим братом Мстиславом, опиравшимся на войско, состоявшее из хазар и касогов. Но, как рассказывает Гумилев, экономически влиятельная еврейская община в Киеве сохранилась еще на полтора века. Ее влияние стало расти, когда в нее влилось множество евреев западного происхождения, переселившихся из Германии через Польшу. В руках этой общины находилась интенсивная торговля рабами. Рабы добывались в набегах половцев и продавались в Египетский халифат через Крым, где была другая сильная еврейская община в Херсонесе (Корсун). Именно тогда был убит канонизированный Православной Церковью мученик св. Евстрат. Как пишет Гумилев, в Киеве «торговля и ремесла постепенно переходили в руки евреев, так как каждому из них помогала община, тогда как русские купцы и ремесленники действовали каждый на свой страх и риск».

Но после смерти в 1113 г. князя Святополка II в Киеве вспыхнули беспорядки. Народ сначала разграбил дома ближайшего окружения покойного князя, а потом – еврейскую колонию. Такую картину рисует Татищев. Ипатьевская летопись говорит, что были разграблены дома евреев. Бояре просили Владимира Мономаха принять княжеский престол. Мономах выслал всех евреев из Русской земли. В случае возвращения закон отказывался обеспечить их жизнь и имущество.

Эту картину длительного подчинения Руси иудейской Хазарии и еврейскому экономическому влиянию поддержал В. В. Кожин, опираясь на совсем другие аргументы, связанные с историей русского эпоса и литературы Древней Руси.

Анализируя как содержание, так и ареал распространения былин, он приходит к выводу, что они отражают не противостояние монгольскому игу (отнесенное к эпохе св. Владимира), не борьбу со степью (половцами или печенегами), но борьбу с господством хазар. Наиболее ярким аргументом оказывается здесь былина «Илья Муромец и Жидовин». Другим краеугольным камнем его аргументации является апелляция к «Слову о Законе и Благодати» Илариона Киевского. Это, вероятно, древнейшее (поразительно сильное) произведение русской литературы действительно представляет собой некоторую загадку. Пафос, пронизывающий его, – это противопоставление Ветхого и Нового Завета, иудаизма и христианства, Благодати Нового Завета, отменяющей Закон Ветхого Завета. Действительно непонятно, почему бы именно эта проблема оказалась столь жгуче актуальной в Киеве XI в. Обычно (хотя на эту тему писали вообще мало) давалось то объяснение, что противопоставление Ветхого и Нового Завета в «Слове» есть лишь аллегория, выражающая противопоставление давно христианского Константинополя и недавно крестившейся Руси, что это есть борьба Руси за духовную независимость от греческой Церкви. Но совершенно непонятно, зачем Илариону надо было прибегать к этому эзопову языку, почему он не мог выразить свою мысль более прямыми словами (обычно предполагается, что он опирался на поддержку князя Ярослава Мудрого). Кожинов предлагает более простое решение: здесь нет никакого эзопова языка, речь идет совершенно буквально о противостоянии Руси, принявшей религию Нового Завета, некоей силе, опирающейся на Ветхий Завет. Эта сила – хазары, еще не так давно имевшие свой гарнизон в Киеве, и современная, экономически мощная, иудейская община Киева. Это он подтверждает такой, например, цитатой:

«И доколе стоит мир, не наводи на нас напасти искушения, не предай нас в руки чуждых, да не прозовется град твой плененным».

Кожинов обращает внимание и на то, что «Слово» Илариона истолковывал как отражение противостояния Руси и Хазарии один из крупнейших русских историков М. Н. Тихомиров. В работе «Философия в Древней Руси» он решительно возражает против интерпретации «Слова» как завуалированной полемики с Константинопольской патриархией, приводя ряд мест, где подчеркивается дочерняя роль русской Церкви, ее преемственность из Византии. Далее, приведя цитату из «Слова»:

«И Закона озеро пересохло, евангельский же источник наводнился, и всю землю покрыв, до нас разлился», – Тихомиров пишет: «В этих словах Илариона заключается противопоставление Хазарского царства Киевской Руси. Иссохшее озеро – это Хазарское царство, наводнившийся источник – Русская земля».

А комментируя цитату: «отошел свет луны, когда воссияло солнце... И ночной холод исчез, когда солнечная теплота согрела землю», – Тихомиров говорит:

«Для современника были понятны намеки Илариона, что он считает ночным холодом и солнечной теплотой... Это намек на то, что Ярослав, опиравшийся на христианскую Русь, победил Мстислава, действовавшего с помощью печенегов и хазар, среди которых была распространена иудейская вера».

При скудости источников, сохранившихся от той эпохи, около 1000 лет назад, толкование их по необходимости произвольно. Оно носит характер «версий» и фактов, их подтверждающих. Я изложил одну такую «версию» – условно говоря, версию «хазарского ига». Разумеется, она не общепринята. Например, в статье В. В. Кожинова, на которую мы ссылались, цитируются и авторы, возражавшие против этой концепции.

Так или иначе, но история Хазарии оказалась связанной с судьбой нашей страны, хотя бы ввиду параллелей между Советским Союзом в первые послереволюционные десятилетия и древней Хазарией. Власть иудейской верхушки над аборигенами, как она сложилась в Хазарии, – ведь это как раз то обвинение, которое бросали коммунистическому режиму его враги. (И, к сожалению, такие параллели иногда развивались на очень примитивном и тенденциозном уровне.) Во всяком случае, хазарская тема в Советском Союзе долго была «неудобной», если не прямо опасной. Например, Л. Н. Гумилев рассказывал мне, что книга М. И. Артамонова, на которую мы не раз ссылались, более десяти лет не могла быть опубликована (краткое ее изложение удалось опубликовать на 25 лет раньше полного текста). В этой книге Хазария впервые была показана как одна из «сверхдержав» Восточной Европы IX–X вв. Из-за связи с хазарской «проблемой» или непосредственно из-за антииудаистской его направленности «неудобным» почти все время коммунистического режима было и «Слово» Илариона. Например, многотомное издание «Памятники литературы Древней Руси» начинается вступительной статьей акад. Лихачева «Величие древней литературы». В этой статье «Слово» Илариона упоминается как одно из самых значительных и «одно из первых произведений русской литературы». Но в самом издании «Слово» опубликовано не было. Да и вообще, видимо, не переиздавалось от 1917 г. до середины 80-х годов. Помню, что сам я познакомился с этим произведением по изданию с зашифрованным названием «Философское наследие Илариона Киевского» (по которому нельзя догадаться, что речь идет о публикации источника). Позже известный философ А. Гулыга признавался, что вообще узнал о существовании «Слова» от одного немецкого слависта и впервые познакомился с произведением по его немецкому переводу! Помню, как в 80-е годы за статью, посвященную лишь философски-литературоведческому разбору «Слова», радиостанция «Свобода» обвинила В. В. Кожина в «антисемитизме». Так переплетаются в нашей истории разные века и разные тысячелетия.

Литература:

- Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. Переиздание: Санкт-Петербург, 2001.
Артамонов М. И. Очерки по древнейшей истории хазар. Л., 1936.
Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989.
Кожин В. В. На заставе богатырской. М., 1993.
Кожин В. В. Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи: Альманах библиофила. М., 1989. Вып. 26,
Тихомиров М. Н. Русская культура X–XVIII веков. М., 1968.
Лихачев Д. С. Величие древней литературы: Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII в. М., 1978.
Плетнева С. Хазары. М., 1986.
Плетнева С. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.

Глава 6

Роль в развитии капитализма

Генезис современного капитализма (и, в частности, роль в нем евреев) был предметом детального исследования Вернера Зомбарта. Капитализм предполагает капитал, а капитал, утверждает Зомбарт, в позднее Средневековье и в начале Нового времени, был в значительной степени в руках евреев. Он приводит свидетельства множества авторитетов.

Кромвель, Кольбер, бургомистр Антверпена, городской старшина Бордо, сенат Венеции – все сходятся на том, что у евреев большие богатства, привлечение евреев способствует росту экономики в эпоху складывающегося капитализма, их изгнание – упадку. Изгнание евреев с Пиренейского полуострова характеризовалось современниками как «исход капиталов». Современники часто говорят, что «евреи ввозят деньги в страну», – а это было первой предпосылкой развития капитализма.

И действительно, как считает Зомбарт, богатства евреев были исключительно велики, гораздо больше, чем обычно полагают. Мы приводили в одном из предшествующих параграфов ряд свидетельств, касавшихся эпохи Средних веков. Но то же верно и для более позднего времени. В XVII–XVIII вв. голландские евреи, в основном выходцы с Пиренейского полуострова, были знамениты своим богатством. Барон Бельмонте, хеер де Пинто, хеер д'Акоста принадлежали к числу богатейших купцов и финансистов Голландии. Они владели блистательнейшими дворцами Гааги и Амстердама, особенно поражавшими воображение при сравнении с домами бережливых голландцев. Во Франции говорили «богат, как еврей». Особенно богатый материал Зомбарт приводит по Германии. Например, во Франкфурте-на-Майне среди богатых людей, обладавших доходом более 15 000 флоринов, евреи составляли в 1593 г. 7,5 %, в 1607 г. – 17,5 %, в 1618 г. – 20 %.

Но гораздо оригинальнее мысли Зомбарта по поводу того, какой характер участие евреев придавало развитию западноевропейского капитализма. Он считает, что евреи создавали предпосылки для развития капитализма современного типа путем разрушения патриархальных принципов «традиционного» общества. По мере увеличения их роли в хозяйственной жизни на них со всех сторон раздается все больше и больше жалоб. Их обвиняют в том, что они «лишают пропитания жителей страны». Жалобы поразительно стереотипны и многочисленны: из Англии, Франции, Германии, Швеции, Польши... Обычно евреев обвиняют в «обмане». Но, главным образом, подразумеваются не формальные правонарушения, а разрушение обычаев, норм морали в области торговли – традиций, сложившихся в христианском обществе.

Здесь необходимо изложить сводку общих взглядов Зомбарта на развитие капитализма. Собственно, «капитализм» – весьма расплывчатое понятие. Ряд выдающихся историков – Эдуард Мейер, Макс Вебер, М. И. Ростовцев – уверяют, что основные элементы, составляющие капитализм: капитал, наемные рабочие, рынок, производство на продажу и т. д. – существовали в самых разных обществах: Вавилоне, античной Греции, Риме и т. д. Они, в принципе, могли создавать самые разные комбинации, и только в Западной Европе и США они сложились в некоторое совершенно особенное, ни на что другое, бывшее в истории, не похожее общество. Вот его-то происхождением и анализом и занимался Зомбарт. Он делит развитие капитализма на две фазы, которые называет «ранним капитализмом» и «высокоразвитым капитализмом». Последний его и интересует, и в его развитии в очень специфическом направлении, как он считает, решающую роль играли евреи. Он стал доминировать с XIX в., но за несколько столетий до этого вырабатываются определенные его черты.

Сущность «высокоразвитого капитализма» Зомбарт видит в том, что человек теряет свою роль как цель хозяйственного процесса, как «мера всех вещей». Создаются новые «индивиду-

альности» – тресты, предприятия, и их отношения, их интересы, а не отношения и интересы реальных людей, доминируют в экономической жизни. Например, при раннем капитализме предприниматель ставил себе вполне определенные жизненные цели: разбогатеть, обзавестись поместьем, домом и т. д., а достигнув этих целей, выходил из хозяйственной и экономической деятельности, причем именно такое поведение воспринималось всеми как «нормальное», «разумное». При развитом же капитализме единственной целью является рентабельность и доход предприятия, а эти цели не имеют предела, процесс становится бесконечным. Зомбарт приводит яркие высказывания крупнейших предпринимателей (Карнеги, Ратенау и др.), рассказывающих, как сама логика производства заставляла их беспрерывно расширять свои операции, хотя это не входило в их планы и не определялось их личными интересами.

Все увеличивающаяся скорость изменений хозяйственной жизни достигает в развитом капитализме такого предела, что традиция, нарушенная каждым конкретным изменением, не успевает восстанавливаться. В результате, капиталистическому предприятию чуждо все органическое, естественно выросшее, основанное на опыте человечества. Оно чисто рационалистически конструируется, является искусственным механизмом. Конкретно это осуществляется благодаря процессу, который Зомбарт называет «подчинением хозяйственной жизни торговым операциям». Вексель, ценные бумаги, биржа придают развитому капитализму анонимный, безличный характер. Если раньше, например, долг имел характер отношения двух конкретных людей, кроме денежной стороны включал в себя и чувство благодарности, то в форме векселя он отрывается от человеческих отношений, полностью теряет личный характер. А биржа, «рынок ценных бумаг», подчиняет этому новому духу всю хозяйственную жизнь в национальном и мировом масштабе.

Возникшее в Средние века и сохранившееся в раннем капитализме мировоззрение исходило, беря за модель земледелие, из представления об «участке», с которого человек имеет право «кормиться». Это могла быть и определенная сфера деятельности, которую охраняли, например, гильдии и цеха. В связи с этим считались морально недопустимыми все приемы, имевшие целью получить прибыль за счет другого – посягательство на его «участок». Например, реклама или конкуренция с понижением цен, тем более продажа ниже себестоимости для захвата рынков. Часто отвергалось применение машин, так как они могли многих лишиться работы. Все виды подобного поведения считались «нехристианскими» (unchristlich). Основой было представление о «справедливой цене», которая давала бы возможность производителю поддерживать традиционно сложившийся уровень жизни. Стремиться к большему, повышая цены или увеличивая размеры деятельности, считалось, как правило, неморальным и бессмысленным. В связи с этим рабочее время было ограничено, было много праздников (до 1/3 года), люди не торопились. Традиционными чертами делового человека считалась медлительность, степенность; говорили, что торопятся и суетятся бездельники.

Высокоразвитый капитализм разрушает эти «патриархальные» черты. Более того, антитеза почти каждой из них относится к числу его самых характерных признаков, обеспечивающих его сказочную производительность: неограниченная конкуренция, свобода торговли, реклама, принцип «время – деньги»... За эту производительность приходится, однако, расплачиваться тем, что человек подчиняется интересам и логике развития «организаций», теряет чувство своей значительности, осмысленности своей жизни. «Капитализм – это деконкретизация мира, сведение его к абстрактному принципу денег; разрушение конкретности, многообразия», – формулирует Зомбарт. Капитализм добивается продуктивности, о которой люди предшествующих веков не могли и мечтать, заменяя живой человеческий труд и самого человека машиной, но зато человеческое общество он приспособливает к машине, делает его стандартизованным и механизированным.

Именно эти новые черты, как утверждает Зомбарт, евреи и привносили в хозяйственную жизнь. Он подробно анализирует те жалобы, которые раздаются в адрес евреев.

Все единообразно жалуются: они нарушают разграничение областей торговли по гильдиям. Далее следуют жалобы на искусственное понижение цен (торговля в убыток с целью захвата рынка, демпинг). Жалуются, наконец, на то, что евреи заманивают клиентов, ловят их за руку на улице, украшают витрины своих лавок – все это тогда считалось непорядочным и в то же время создавало основы свободной конкуренции, рекламы, «контакта с потребителем» – основополагающие черты современного капиталистического хозяйства. Зомбарт приводит множество примеров рекламных объявлений еврейских торговцев, что было в то время новшеством и вызовом моральным нормам. Еще в начале XIX в. считалось «еврейским принципом», что быстрый оборот с меньшим доходом выгоднее более медленного, хотя бы и с большим доходом. Было распространено мнение, что христиане не могут этот принцип применять. В то же время он и составляет экономическую основу все растущего темпа жизни, характерного для нашей эпохи.

Зомбарт полагает, что евреи заложили также основу для подчинения хозяйственной жизни торговым операциям, что он считает одной из основных черт развитого капитализма. Евреи создали вексель и биржу. Внедрение векселя в хозяйственную жизнь Зомбарт связывает с необходимостью тайны, анонимности в финансовых операциях евреев, часто подвергавшихся преследованиям. И действительно, при изгнании евреев из Испании и Португалии им было запрещено брать с собой золото и деньги, но вскоре выходцы с Пиренейского полуострова оказались среди первых богачей Европы. Первый известный в истории вексель был выдан, как говорит Зомбарт, в 1207 г. Симоном Рубеном. Но гораздо важнее, что во многих городах (например, в Венеции в XVI в.) вексельное дело находилось целиком в руках евреев.

Зомбарт приводит массу свидетельств о ведущей роли евреев на биржах Голландии, Лондона, Германии (например, в начале XIX в. в Берлине из четырех председателей биржи два были евреи, а из 23 старшин – 10, не считая крещеных). Даже первое и самое яркое описание биржи принадлежит Исааку Пинто – еврейскому финансисту из Франции (XVIII в.).

Наконец, благодаря своим интернациональным связям, евреи способствовали денационализации хозяйственной жизни: интересы не только конкретных людей, но и государств стали подчиняться интересам международных трестов и банковских домов. Типичным примером такого интернационального банковского дома являлся банк, созданный Амшелем Ротшильдом. В XIX в. его сыновья возглавили банки в крупнейших городах Европы: Натан – в Лондоне, Джеймс – в Париже, Соломон – в Вене, Карл – в Неаполе, Ансельм – во Франкфурте.

Конечно, рассеяние евреев содействовало интернационализации хозяйственной деятельности. Их изоляция внутри страны, в которой они обитали, делала для них чуждыми и непонятными моральные нормы «традиционного» общества и облегчала их разрушение. Оторванность от «конкретности» национальной жизни этой страны толкала их на развитие хозяйства в направлении, не опирающемся на традиции, на придание капиталистическому предприятию характера «искусственного механизма». Но все эти причины Зомбарт считает неосновными. Основную же причину того, что евреи способствовали выработке всех этих черт, характерных для хозяйства развитого капитализма, он видит в их религии.

Сама изолированность евреев, по мнению Зомбарта, конечно, была связана с отношением к ним окружающих их народов, но она была не следствием этого отношения, а причиной. Он приводит примеры ряда эпох, когда положение евреев было очень благоприятным (подобные примеры приводились нами в предшествующих главах). Но это нисколько не уменьшало изолированность еврейских общин. Например, в арабской Испании христиане очень сильно поддавались влиянию ислама и исламской культуры, а евреи были особенно сплоченно-националистичны. Настроения этой среды отразил вышедший из нее Иуда Галеви – один из самых националистических еврейских поэтов.

Особую роль в развитии капитализма Зомбарт видит в ростовщичестве. Он говорит: «Из ростовщичества возник основной дух капитализма». Действительно, в нем устраняется всякий

конкретный элемент, вся качественная, хозяйственная деятельность принимает чисто коммерческий характер. Это не физическая и не духовная, осмысленная сама по себе деятельность, ее смысл перенесен на ее конечный результат – деньги. Грандиозной реализацией духа ростовщичества является биржа – сердце капиталистической экономики. Уже она становится причиной, а реальная экономика – следствием. Высокая активность биржи влечет увеличение производства, падение цен на акции, упадок, безработицу. В наши дни эта ситуация приобретает всеобъемлющий характер, современную мировую экономику часто называют «экономикой казино», в спекуляции вложено во много раз больше средств, чем в реальную экономику.

Этот взгляд на роль ростовщичества можно подтвердить совершенно особым отношением к нему католической Церкви. Она боролась с ним яростно, как бы предвидя в нем разрушителя того общества, основой которого была. Мало того, что существовал особый суд, ведавший ростовщичеством, причем уличенный священник лишался сана, а мирянин не допускался к причастию. Но целый ряд правил должен был бороться со скрытыми формами роста. Например, долг должен был отдаваться ровно через год, день в день, чтобы взятый продукт не отдавался в то время, когда он ценился больше; или должнику запрещалось оказывать заимодавцу какие-либо услуги (скрытая форма процента) и т. д.

А ведь в период, когда складывался капитализм на Западе, образы еврея и ростовщика отождествлялись (хотя бы у Шекспира, это отразил и Пушкин).

Занятие евреев ростовщичеством, сыгравшее столь важную роль в характере того влияния, которое они оказали на развитие капитализма, Зомбарт также не считает возможным отнести в основном за счет внешних причин. (Обычное объяснение заключается в том, что в Средние века Церковь запрещала христианам давать деньги под процент, для евреев же многие другие сферы деятельности были закрыты.)

Все эти причины более внешнего характера Зомбарт считает неопределяющими, вторичными, основу же особого отношения евреев к хозяйственной жизни видит в их религии, как она зафиксирована в Библии и Талмуде.

Еще в Библии ростовщичеству уделяется особое место. Одно из обетований Иеговы избранному народу гласит:

«Ибо Господь, Бог твой, благословит тебя, как Он говорил тебе, и ты будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы; и господствовать будешь над многими народами, а они над тобой господствовать не будут». (Второзаконие, 15,6)

Повсюду в древности ссуда предполагалась бескорыстной. Но уже Пятикнижие относит это требование лишь к своим: с чужих процент брать разрешается. Однако в конце Средневековья, по мнению Зомбарта, разрешение процента с ссуды иноверцу переходит в его обязательность (так называемая 798-я заповедь в «Шулхан Арухе»). Как говорит Шахак, беспроцентный заем в Галахе приравнивается к подарку; он рекомендуется по отношению к единоверцу и осуждается по отношению к иноверцу. Он говорит:

«Многочисленные раввинистические авторитеты (но не все) – и среди них Маймонид – считают обязательным требовать с нееврейского должника столь высокий ростовщический процент, как это возможно».

Уже книга Неемии (5, 4–8) показывает существование влиятельного слоя ростовщиков. Но, конечно, лишь в диаспоре эта деятельность приобретает настоящий размах. Талмуд уделяет исключительно много места технике ростовщичества: только изучению Торы уделено больше места, говорит Зомбарт. Начиная со времени крестовых походов, ростовщичество, по мнению Зомбарта, становится основным занятием евреев.

Ростовщичество, как и вообще нарушения общепринятых моральных норм ради своей выгоды, принадлежит к числу распространенных человеческих грехов. Ростовщичеством,

говорит Зомбарт, занимались и Дельфийский храм в Греции, и средневековые монастыри. Зомбарт приводит множество свидетельств современников о неблагоприятных поступках христианских торговцев. Так что реальный успех определяется здесь не наличием субъектов, готовых на такие поступки идти, а возможностью добиться успеха. Успех, выпавший на долю евреев, Зомбарт объясняет тем, что для них речь вообще не шла о нарушении норм деловой морали. С их точки зрения, это и была «разумная», «деловая» мораль, «настоящее право», подчиняющее хозяйственную деятельность примату «дела», дохода. Поэтому среди них в этом направлении успех имели не слабые, уступающие соблазну, а сильные, проникнутые и воодушевленные древними и освященными авторитетом принципами.

Речь шла, по мнению Зомбарта, о столкновении двух диаметрально противоположных систем моральных и правовых норм. В Римском или германском праве все обязательства рассматривались как имеющие исключительно личный характер, а цена определялась, исходя из имеющей личный характер категории «справедливой цены». В Талмуде же представление об обязательстве абстрагировано от человека, может передаваться, становится «требованием на предъявителя». Если понятие о «справедливой цене» там и существует, то лишь в отношении к своим, в применении к чужим представление о «справедливой цене» отсутствует, цена такова, какую реально можно получить. В качестве одного из примеров, иллюстрирующих противоположность этих двух моральных систем, Зомбарт приводит отношение к собственности. В римском праве и праве многих средневековых народов собственность понимается гораздо более лично, больше рассматривается как «продолжение человека», чем теперь. В связи с этим ее отчуждение воспринимается как нечто неестественное, и право обычно стремится его затруднить. В Талмуде же прямо противоположное отношение. Так, если по германскому средневековому праву украденная и потом купленная у вора вещь должна быть безвозмездно возвращена первоначальному владельцу, то Талмуд считает ее собственностью купившего, а первоначальный владелец может ее только выкупить обратно, то есть в первом случае между хозяином и вещью предполагается некая связь, которая не исчезает из-за того, что кто-то другой заплатил за нее какую-то сумму (мы могли бы это сравнить с нашим отношением к похищенному ребенку), во втором же случае это отношение исчерпывается уплатой цены вещи.

Коренное различие в хозяйственной морали евреев и христианского общества отмечает и Гретц. В «Истории евреев» он пишет по поводу польских евреев:

«Не-еврейский мир должен был, на свою беду, убедиться в преимуществе талмудического закона польского еврейства».

И надо признать, что в общемировом масштабе этот закон действительно победил. «Индустриальное общество», охватывающее теперь практически весь мир, основывается именно на этой талмудической, как уверяет Зомбарт, хозяйственной морали.

Связь между укреплением нового образа жизни и еврейским влиянием чувствовалась широкими слоями населения. Весь процесс шел очень болезненно, он встречал широкое сопротивление народа. Общеизвестным примером является то движение, которое во Флоренции возглавил Саванаролла. Однако тогда же, в конце XV в. подобные движения захватили всю Италию. Почти во всех крупных городах – Генуе, Падуе, Лукке, Болонье, Кремоне, Флоренции – появились проповедники, протестовавшие против того разложения устоев старого общества, которое захватило Италию. Они увлекали за собой толпы народа. Требования, выставлявшиеся этими движениями, были очень однородны. И почти всегда среди них фигурировало требование о запрете ростовщичества за высокий процент (доходивший до 100 %), издании законов, ограничивающих еврейских ростовщиков, или даже об изгнании евреев. Историк еврейства С. Рот говорит, что, по-видимому, в Италии тогда не было ни одного крупного города, в котором дело обошлось бы без антиеврейских выступлений. Монах Варава Интермензис выдвинул идею ломбарда, основанного на пожертвования и дающего ссуды под минимальный процент

(5 %) или даже безвозмездно. Этот вид ломбарда назывался Монте де Пиета. Особенно энергично боролся за его внедрение другой монах – Бернардино да Фельтро. Он сталкивался с ожесточенным сопротивлением богачей, – из одних городов его изгоняли, в других он побеждал. В частности, во Флоренции под его влиянием в 1487 г. было принято постановление о создании такого банка, но, как считали некоторые современники, евреи за взятку в 20 000 гульденов добились от Лоренцо Медичи отмены постановления и изгнания да Фельтро. Такую меру провел потом Саванаролла, но и его успех был недолговечен. Интересно отметить, что низвержение и казнь Саванароллы были делом рук папы Александра VI Борджиа, происходившего из крестившихся испанских евреев, враги обвиняли его даже в том, что он был марраном, т. е. тайно исповедовал иудаизм. (Это обвинение исходило от будущего папы Юлия II и приведено в хронике Сигизмунда Тацио за 1492 г.)

Так, ломая сопротивление, в мир входили две силы – капитализм и еврейское влияние.

Литература:

Зомбарт В. Буржуа. М., 1994.

Sombart W. Die Juden und das Wirtschaftsleben. München u. Leipzig 1928 (в последние годы, кажется, появился русский перевод).

Neumann M. Geschichte des Wuchers in Deutschland. Halle, 1865.

Graetz H. Geschichte der Juden. Bd. 10.

Roth C. The Jews in the Renaissance. N.J., 1959.

Виллари. Саванаролла и его время. Спб., 1913.

Глава 7

Эмансипация и борьба за равноправие

В XVIII–XIX вв. происходит резкий перелом в положении европейского еврейства, а именно: среди евреев возникает быстро растущее движение за выход из изоляции, за усвоение образа жизни окружающих народов, их культуры. Это течение придает совершенно новый характер европейским еврейским общинам. Параллельно усиливается борьба и за юридическое равноправие евреев, которого они и добиваются в XIX в. в подавляющей части европейских стран. Принятие евреями образа жизни европейских народов в среде этих народов часто называют «эмансипацией», в еврейской же среде это течение называли «Хаскала», а сторонников его – «маскилим». Этот переворот несомненно связан с увеличением хозяйственного влияния евреев. Так, уже с XVI в., а систематически – с XVII в. еврейские дельцы осваивают совершенно новую сферу деятельности – колонии европейских стран. В Бразилии евреи скоро стали господствующим слоем, в частности, держали в своих руках сахарные плантации, бывшие основой экономики страны. Так же и на Ямайке они заняли господствующее положение, и христианские купцы жаловались, что евреи их вытесняют. В статье Еврейской Энциклопедии говорится: «В колониях марраны больше всего содействовали развитию торговли. Их деятельность охватывала аграрный район и простиралась на весь международный район... Весьма часто марраны, забывая об испанском суверенитете, сбрасывали с себя маску и открыто возвращались к еврейству». В докладе инквизиции из Южной Америки в 1636 г. говорится:

«Они стали хозяевами всей торговли в королевстве: от парчи до грубого холста, от алмазов до тминных зерен – все проходит через их руки».

В XVII в. Голландия начала войну с Португалией за обладание Бразилией. При этом голландцы опираются на поддержку местных евреев. После того как они захватили Ресиф,

«...в Ресифе стало вдвое больше евреев, чем христиан. «Евреи вели крупную торговлю, владели сахарными заводами, домами; самым крупным богачом считался Распер Диас Перейра».

Но в конце концов победили португальцы, и это привело к гонениям на евреев. Тогда центр тяжести еврейской общины переместился в Северную Америку, где их влияние стало еще сильнее. Характерен в этом отношении эпизод с основанием еврейской общины в Нью-Йорке (он был тогда голландской колонией). В 1635 г. к Гудзону прибыл корабль, имевший на борту еврейских переселенцев из Бразилии. Губернатор Стювейсанд сначала не хотел разрешить им поселиться в колонии, но получил распоряжение от Вест-Индской компании дать такое разрешение «ввиду больших капиталов, вложенных ими (евреями) в компанию». Точно так же на сопротивление натолкнулись первые попытки евреев получить права гражданства в Массачусетсе (Аарон Лопец в 1762 г.) и Нью-Йорке (Исаак Элизер в 1763 г.). Трудности возникали в связи с принятой тогда формулой присяги: «по истинной христианской вере...». Но в конце концов текст присяги был так изменен, что он стал приемлемым для евреев.

В XVII и XVIII вв. финансовое влияние евреев становится столь значительным, что оказывается важным фактором тогдашней европейской политики. Они финансировали в широком масштабе монархов многих тогдашних европейских государств (в особенности германских), давая им тем самым возможность быть более независимыми в своей политике от дворянства и горожан, усиливая тенденции абсолютизма. Особенно сильна была роль евреев в финансировании армии: в поставках оружия, амуниции, продовольствия. В немецких государствах типичной комбинацией были «князь и еврей» (*Furst und Jud*), причем в руках последнего находились финансы государства. Так, больше ста лет придворными банкирами императорского двора в

Вене был дом Оппенгеймеров. В Пруссии «Великий курфюрст» Фридрих-Вильгельм пользовался услугами финансистов Гумперца, Фейта, Риса, Аарона и Бронда Вульфа. Его сын Фридрих I поручил финансовые дела Либману, Фридрих Великий – Ефраиму.

Естественно, что богатые евреи все более оказывались связанными с жизнью той страны, в которой они обитали, от них многое зависело, они имели связи и влияние, не редки были случаи, когда им жаловалось дворянство. Ряд факторов толкал их на выход из изоляции также и в политической и культурной жизни.

Одновременно с импульсами, исходящими из среды еврейства, и в европейском обществе, начиная с середины XVIII в., возникает течение, ставящее себе целью коренной пересмотр положения евреев. Центром его являлась Германия, где тогда жило большинство еврейского населения Западной Европы. Одна за другой выходят книги, ставятся пьесы, доказывающие бессмысленность предрассудков против евреев, высоту их моральных принципов, часто превосходство в этом отношении над христианами.

Наиболее яркой фигурой этого течения был Лессинг. Еще 23 лет, начинающим писателем, он создал пьесу «Евреи». В ней повествуется, как некий путешественник спасает некоего барона от разбойников. Хозяин подозрительного кабака распускает слух, что разбойники – это евреи, заметил и якобы даже их типичные бороды. Но все тот же путешественник извлекает у него из кармана фальшивую бороду, разоблачая его самого и его приятеля как разбойников. Барон предлагает путешественнику половину своего состояния и руку дочери. Но тот сообщает, что «Бог его отцов достаточно оделил его средствами» и что сам он – еврей. «О, если бы все евреи были подобны Вам!» – восклицает барон. «О, если бы все христиане были подобны Вам!» – парирует путешественник. Это произведение было типичным: подобная ситуация обыгрывалась во многих вариантах. Газеты сообщали о благородной благотворительности евреев. Вершиной была знаменитая пьеса Лессинга «Натан Мудрый». В ней действие происходит при дворе турецкого султана Саладина, где сталкиваются представители трех религий: иудаизма, ислама и христианства. Очевидная цель автора – пропаганда религиозной терпимости, стремление показать, что на любом из этих путей человек с равным успехом может искать Бога. Но наименее способными к этому оказываются христиане, особенно злобным фанатиком изображен патриарх Иерусалима. Самым же глубоким и гуманным – герой пьесы, Натан Мудрый, который, например, несмотря на то, что христиане убили у него семь сыновей, одаряет всех христианских паломников ко Гробу Господню подарками (что отдает уже чрезмерностью). Кульминацией является рассказ Натаном знаменитого сказания о трех кольцах. В одной семье по традиции древнее кольцо переходило от отца к сыну. Но однажды, не желая обидеть ни одного из трех своих сыновей, отец заказал две точные копии и оставил каждому по кольцу. Сыновья до сих пор спорят, чье же кольцо истинное... На первый взгляд, смысл сказания – в призыве к религиозной терпимости, а кольца символизируют иудаизм, ислам и христианство. Но в нем можно заметить и подтекст: ведь все же лишь одно кольцо действительно подлинное – самое древнее, очевидно, символизирующее иудаизм.

С еврейской стороны столь же влиятельной фигурой этого направления был Мозес Мендельсон – близкий друг и ровесник Лессинга, которого тот и изобразил под видом Натана Мудрого. 14-летним подростком он бросил еврейскую духовную школу и ушел в Берлин. По совету своего наставника рабби Хиршеля Френкеля, Мендельсон изучает немецкий язык, что было тогда редкостью среди евреев. Он устанавливает связи с деятелями просвещения, такими, как президент Берлинской Академии Мопертюи и Лессинг, и начинает публицистическую деятельность.

Мендельсон был создателем и вождем того движения в еврействе, которое ставило себе целью вхождение в европейскую культуру и приобретение равноправия в европейском обществе. В качестве первого шага – овладение немецким языком, усвоение немецкого образа жизни. Мендельсон пропагандировал смелую мысль, что древняя иудейская традиция не про-

тиворечит идеям Просвещения и может с ними сочетаться. Он стоял во главе общества «Передовые евреи», объединенного этой идеей. В идеале виделась ассимиляция, когда евреи не будут отличаться от других немцев, будут «немцами, исповедующими Моисеев закон». Естественно, что Мендельсон был врагом всех планов возвращения в Палестину, он предостерегает от финансирования любых подобных проектов, убеждая, что одно золото не может обеспечить возвращения. С замечательным предвидением он писал:

«Мне кажется, такой проект будет выполним, только когда великие державы Европы будут вовлечены во всеобщую войну».

Мендельсон встретил горячую поддержку в кругах немецких просветителей. Хотя немецкий язык он выучил не в детстве и сам признавался, что особенно грамота давалась ему всегда с трудом, Мендельсон выступал как критик по вопросам немецкой литературы в журналах Лессинга и Николаи. Он поддерживал Лессинга в его борьбе за религиозную терпимость, за признание высоких духовных достоинств иудаизма. Однако их позиции отличались существенными оттенками. Например, Лессинг в своем масонском диалоге «Эрнст и Фальк» предупреждает о предрассудках патриотизма, в «Воспитании человеческого рода» утверждает, что в евреях Бог воспитал будущих воспитателей человечества. Мендельсон же выступает страстным еврейским патриотом, сразу откликаясь на любые обвинения, высказываемые против евреев (например, на брошюру о еврейском ростовщичестве во французском Эльзасе). Он писал, что если надо было бы выбирать между равноправием евреев и разрывом с религиозной традицией, то евреи, хоть и с прискорбием, должны были бы отказаться от равноправия. Лессинг, пропагандируя равноценность всех религий, публикует в своем журнале антихристианские статьи. Мендельсон же всегда восторженно отзывается об иудаизме, но о христианстве он иногда высказывается весьма бесцеремонно. Например, в ответ на довольно неумный аргумент одного пастора, что чудеса Христа истинны, ибо засвидетельствованы современниками, он приводит пример разоблаченного еврейского лжечудотворца и мошенника, сидевшего тогда в тюрьме. Конечно, adeпты Просвещения рукоплескали ему за то, что он так ловко «срезал попа».

Лессинг был только самым ярким представителем этого направления. Монтескье в «Духе законов» говорит, что отношение христиан к евреям останется навсегда позором для этого века. Мирабо, побывавший в Пруссии с тайным, не то правительственным, не то масонским поручением, написал памфлет «О Моисее Мендельсоне и изменении положения евреев». Крупный прусский чиновник Кригсрат фон Дом опубликовал работу, в которой призывал к предоставлению евреям равноправия. Когда император Иосиф II снял некоторые ограничения для евреев, то знаменитый тогда поэт Клопшток почтил его одой, в которой ставил его поступок в пример другим князьям. Академии объявляли конкурсы на сочинения об эмансипации евреев. Появились произведения и противоположного направления, они вызывали, в свою очередь, возражения как с немецкой, так и с еврейской стороны. Во множестве выходили брошюры «За евреев», «Против евреев». Вся эта литература, по словам Гретца, «лилась, как водопад».

Чем же объяснить, что еврейский вопрос привлек к себе именно тогда такое необычайное внимание? Конечно, обособленные в гетто евреи находились в странном для окружающих европейцев положении, унижающем человеческое достоинство, и это вызывало совершенно естественный протест. Не могло не играть роли и то, что проникающий всюду дух нового, буржуазного общества и просвещения ломал устои старого иерархического уклада жизни, заставлял смотреть на всех людей с единой точки зрения.

Но вот что поразительно: в то же время подавляющая часть немецкого крестьянства и многие горожане были крепостными – и это не вызывало того «водопада», о котором пишет Гретц. А ведь они исповедовали ту же религию, говорили на том же языке и во многих других отношениях были для немецких (да и французских) просветителей гораздо ближе евреям, так

что и тяжести их жизни должны были бы ярче и острее восприниматься. Таким образом, кроме указанных общих причин, действовали и какие-то другие, определявшие именно этот особый объект сочувствия. Одна из них очевидна: все усиливающееся влияние евреев на финансы и экономику страны и их стремление упрочить это влияние, добившись одинаковых прав с остальным населением. Возможности их были действительно велики. В сочинении «Прусская монархия» Мирабо пишет:

«Единственные торговцы и фабриканты, располагающие в прусских провинциях большими состояниями, – евреи. Среди них есть миллионеры».

И Гретц подтверждает, что богатства евреев в Берлине далеко превосходили богатства христианских бюргеров. Поэтому можно не удивляться, что Мирабо, ненадолго посетив Пруссию, так чутко воспринял проблему еврейского равноправия: он был кругом в долгу у еврейских ростовщиков. Также и Лессинг, написав пьесу «Евреи», вскоре получил доходное место в считавшемся малочислотным деле по чеканке монеты, находившемся в руках у банкиров Эфраим. Когда же он писал своего «Натана», ему выдал аванс еврейский купец Мозес Вессели из Гамбурга. По этим отдельным штрихам можно представить себе ситуацию в более широком масштабе. «Лица свободных профессий» – писатели, журналисты, актеры были тогда очень мало обеспечены, и финансовая поддержка для них значила чрезвычайно много. Да и владетельные князья тоже были восприимчивы к подобным аргументам. Например, в начале XIX века банкир из Франкфурта-на-Майне Амшель Ротшильд уплатил великому герцогу Далмберту 400 000 гульденов, за что тот предоставил франкфуртским евреям равные права с остальным населением.

Но можно увидеть и другую причину, вызывавшую все это движение. Всякий раз, как выступает идеология, враждебная традиционной, стремящаяся ее развенчать и основать понимание жизни, исходя не из исторических корней народа (а, например, на логике, разуме, как в эпоху Просвещения), ей естественно искать союзника в том мировоззрении, которое никак, ни одной ниточкой с этими корнями не связано, скорее им враждебно. Его и находят в иудаизме и еврейской традиции. Так и во время пуританской революции в Англии возникает какое-то загадочное тяготение к иудаизму – чисто идеологическое, так как евреи были изгнаны из Англии в XIII веке. Кромвель мечтал о слиянии Ветхого и Нового Завета, еврейского избранного народа и пуританской общины. Пуританский проповедник Натаниэль Хомезиус провозгласил, что хотел бы, как раб, служить Израилю. Члены крайнего течения того времени – левеллеры – называли себя иудеями. Офицеры Кромвеля предложили ему составить Государственный Совет из 70 членов, в подражание Синедриону. В парламент был внесен проект о переносе праздничного дня с воскресенья на субботу, а член парламента анабаптист Гарриссон со своей группой требовал введения Моисеева Закона в Англии.

Если в Англии XVII века это течение не было связано с реальными еврейскими интересами (попытку еврейского банкира из Амстердама Монассии Израэля добиться переселения в Англию большой группы евреев Кромвель отклонил), то в Европе XVIII века (и особенно в Германии) оба стимула действовали одновременно. Европейские «свободомыслящие» видели в евреях союзников в своей борьбе против «предрасудков старого общества», «мрака христианства», «засилия попов». В Германии начинается «эпоха салонов». Богатые еврейские дома превращаются в центры, притягивающие представителей аристократии, писателей, философов, актеров, проникнутых идеями просвещения. Самыми влиятельными были берлинские салоны Генриетты Герц и Рахель Левиной. Салоны Доротеи Фейт, Марианны Меир и др. пользовались несколько меньшим успехом. Здесь бывали аристократы, члены королевского дома, даже кронпринц, государственные деятели, дипломаты, ученые, писатели, философы: Шлейермахер, Фуке, Шамиссо, Шлегель, Александр и Вильгельм Гумбольдты. В Вене таким был салон Фанни Итциг, дочери банкира Итцига и жены произведенного в бароны Натана Аронштейна.

Во время Венского конгресса у нее собирались дипломаты всех стран. В салонах возникла лаборатория, вырабатывавшая общественное мнение: тот, кто был своим человеком в этих салонах, мог рассчитывать на теплые отзывы прессы; когда он ехал в другой город, его снабжали рекомендательными письмами. Здесь создавались репутации и устраивались карьеры. Например, из этих салонов пошла слава молодых Гейне и Берне. Уже в конце «эпохи салонов» Берне писал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.